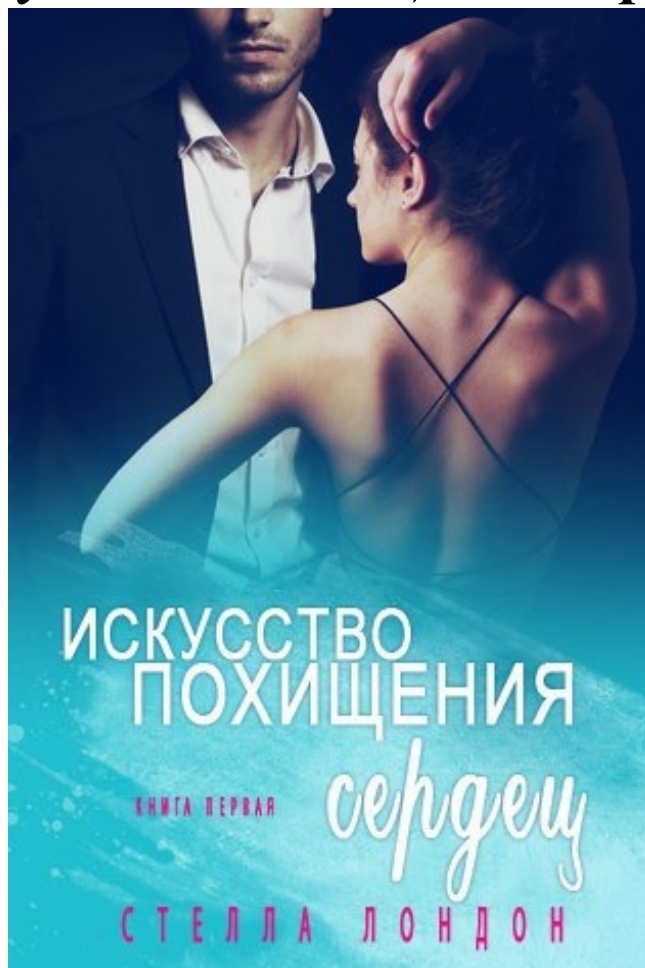

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Стелла Лондон
Искусство и Любовь # 1
Искусство похищения сердец

Оригинальное название: *Stella London «The Art of Stealing Hearts», 2015*

Стелла Лондон «Искусство Похищения Сердец», 2015

Количество глав: 12 глав

Серия: «Искусство и Любовь» – Трилогия

Переводчик: Gabriella Arakelyan

Редактор и сверщик: Анастасия Гончарова

Вычитка: Алена Николенко,

Gabriella Arakelyan

Оформитель: Алена Николенко

Обложка: Finn Hawkeye
Переведено специально для группы: https://vk.com/books_for_young

*Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!*
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Обращение от группы-переводчика

Уважаемые читатели, книга предназначена только для предварительного ознакомления. Убедительно просим Вас не распространять данный документ ни на какие другие источники. Пожалуйста, будьте благоразумны. Спасибо за понимание, и приятного прочтения!

АННОТАЦИЯ

«Ставка пять миллионов долларов. Раз...»

Еще сегодня утром я была официанткой и, обслуживая столики, мечтала о стажировке в самом известном Аукционном доме в Сан-Франциско. А сейчас, подняв вверх руку с табличкой, я предлагаю за бесценное полотно сумму, которую не могу себе вообразить... и все из-за него.

«Два...»

Чарльз Сент-Клэр – знаменитый британский миллиардер и самый соблазнительный мужчина, которого я когда-либо встречала. Я не могу выкинуть его из головы, но он не дает мне возможности уйти, предлагая мне шанс всей моей жизни. И все, что мне нужно сделать – это сказать «да».

«Продано даме в первом ряду!»

Такого не случается с девушками вроде меня... или случается? Все, что я знаю – я собираюсь расслабиться и получить удовольствие.

ГЛАВА 1

Моя мама научила меня тому, что искусство повсюду – нужно просто смотреть.

«Смотри внимательно, Грэйс, и ты всегда сможешь найти красоту в окружающем нас мире» – говорила она, заполняя нашу маленькую квартиру невероятными картинами и яркими красками, рассказывая о формах и композициях, когда мы прогуливались по улицам нашего города.

Её любовь к искусству всегда вдохновляла меня, но в данный момент на нервной почве голова пульсирует, а моё сердце выскакивает из груди, ведь я опаздываю! Поэтому мне трудно разглядеть что-то красивое в жуткой пробке, которая буквально встала между мной и шансом всей моей жизни.

– Эм, прошу прощения? – подаю голос с заднего сиденья неподвижного такси, с тревогой взирая на сгорбившегося на своем месте водителя. Он не обращает на меня внимание.

Я снова проверяю часы: 8:41. *Чёрт!* Прикусываю губу, чтобы не взвыть. *Чёртчёртчёрт!* Я должна быть в Аукционном доме «Кэррингс» через девятнадцать – уже восемнадцать – минут. Сначала скоростной электропоезд в метро прибыл с опозданием, а теперь я трачу свои последние недельные чаевые в этом вонючем такси, потея в своём лучшем деловом наряде. Моём единственном деловом наряде.

После того как я целый год подавала резюме и разговаривала с владельцами галерей и директорами музеев, я практически потеряла надежду найти работу в мире искусства, пока на прошлой неделе мне не позвонили из лучшего аукционного дома в Сан-Франциско. Сделки «Кэррингс» в основном касались самых востребованных и ценных предметов искусства и антиквариата в мире: картины эпохи Французского Импрессионизма, китайская керамика, маски коренных жителей Америки,¹ греческие скульптуры... У меня мурашки бегут по коже от одной только мысли о шедеврах, побывавших в их хранилищах. Если я опоздаю на это собеседование, первая реальная возможность за несколько месяцев может запросто ускользнуть от меня, и я продолжу работать официанткой: подавать спагетти с фрикадельками, пока полностью не пропахну соусом «маринара» и не состарюсь настолько, что не будет хватать памяти запомнить «блюда от шефа».

– Сэр? – в этот раз я настойчиво стучу кулаком по плексигласу, отделяющему меня от водителя. Он смотрит на меня в зеркало заднего вида. – Я очень-очень опаздываю. Возможно, есть короткий путь или что-то еще, что вы бы могли сделать?

Минутная стрелка на часах, которые дала мне мама, снова дернулась вперед, а мы не проехали даже квартал. *Почему мы не двигаемся?! Как будто очевидный ответ не был прямо за моим окном, сигналиа и коптя выхлопами, ползя словно улитки в финансовый район с высотными офисными зданиями.*

Водитель лишь рассмеялся:

– А вы как думаете?

О, я думаю, что ты пахнешь, словно побрызгался освежителем воздуха с запахом табачного магазина. Но первое правило официанта: за грубость никогда не платят.

– Далеко ли до Голд-Стрит?

Таксист пожимает плечами. Уже 8:43.

– Уже достаточно близко, чтобы дойти пешком? – напираю я.

– Конечно, – отвечает он. – Везде достаточно близко, чтобы в конечном итоге дойти пешком.

К чёрту. В любом случае уже нет никакой вероятности, что я доберусь до места, выглядя при этом классно и собранно как планировалось, так как мой макияж наверняка уже похож на одну из картин Джексона Поллока,² но я не позволю какой-то дурацкой уличной пробке отнять у меня

мечту.

– Держите, – произношу я, швыряя кипу однодолларовых на переднее сиденье и выскакивая через дверцу машины. – Я рискну и попытаю счастье.

Таксист закатывает глаза.

– Приблизительно десять кварталов, – говорит он.

Я глубоко вдыхаю свежий океанский воздух, поудобнее вешаю свою сумочку на плечо и начинаю свой забег.

Сразу же мои удобные – но стильные – туфли на высоком каблуке превратились в тиски, безжалостно сковавшие пальцы. Мои ноги привычны к продолжительным рабочим сменам в кроссовках, к тому же трудно бежать в юбке, но я не могу сдаться. Мои тщательно высушенные феном волосы развеваются на ветру и завиваются, а челка липнет к капелькам пота, выступившим на лбу.

– Извините! Простите! Дайте пройти, пожалуйста!

Это похоже на бег с препятствиями, но на каблуках.

Я протискиваюсь сквозь толпу, пытаюсь не думать о том, какое произведу впечатление: измотанной и небрежной. В то же время я заставляю себя сосредоточиться на красоте этого города: длинных тенях высотных зданий, современной архитектуре, солнечных лучах, преломляющихся и отражающихся в тысячах окон, голубое небо над головой. Я люблю Сан-Франциско даже несмотря на то, что в данный момент эта любовь не была взаимной.

Еще. Один. Квартал. Совсем. Близко. Пересекая Голд-Стрит, я уже практически вижу медную резьбу и закрученные спиралью ручки на широких парадных дверях аукционного дома, заворачиваю за угол... и врезаюсь в мускулистую грудь мужчины, идущего с пешеходного перехода.

Одновременно с моим визгом он произносит:

– Ух ты! – словно он ковбой, за исключением того, что выглядит он настолько ухоженно и шикарно, насколько это возможно. Он держит свой стаканчик с кофе прямо перед собой, словно бомбу, и тут я замечаю, как коричневая жидкость стекает по его синему галстуку и белой рубашке.

– О, Господи! – Я вытаскиваю из сумки несколько чистых бумажных салфеток. – Вот, разрешите мне помочь, – говорю я, потянувшись к его галстуку, но он уже отряхнул его. К счастью, большая часть напитка выплеснулась на тротуар.

– Всё в порядке, – говорит он, перехватив мою руку. – В любом случае в этом латте было слишком много сахара.

Он смотрит на меня в тот момент, когда наши пальцы соприкасаются. Его глаза переливаются вкраплениями оттенков синего, словно ночное небо кисти Ван Гога,³ и так же завораживают. Я хочу нарисовать их, но потом вспоминаю о своих приоритетах.

– Я очень сожалею, что пролила на вас кофе, но мне действительно нужно идти. – Я проверяю часы. – Я опаздываю на очень важную встречу.

Начинаю отворачиваться, чувствуя себя виноватой, но его голос останавливает меня:

– Так это «столкновение с обливанием кофе»? – У него акцент. Британский. Сексуальный.

Я оборачиваюсь, не в состоянии удержаться, чтобы вновь его не рассмотреть. У него такой рот, словно его вырезал сам Микеланджело:⁴ идеальной формы губы, которые сейчас мне улыбаются, подчеркивая острые скульптурные скулы, как у знаменитого Давида.⁵ Словно его лицо должно находиться в музее. *Ух ты!*

– Мне следует вызвать полицию? – спрашивает он.

Я улыбаюсь, несмотря на то что тороплюсь. Уверена, что моё лицо сейчас красное, словно

клубника. Я бы с удовольствием осталась и пофлиртовала с этим великолепным мужчиной, но, увы, нет времени.

– Послушайте, – говорю я, отступая назад, – если вы дадите мне вашу визитку, я с радостью оплачу счет за химчистку, но мне правда нужно бежать.

Он поравнялся и зашагал рядом со мной, словно мы старые друзья.

– О, нет, – говорит он, ослабляя галстук и легко подстраиваясь под мой быстрый темп. – Не беспокойтесь об этой старой вещице. Я собирался отдать его на пожертвования. – Он бросает его в мусорный бак, в то время как мы мчимся по тротуару дальше. Я не могу не заметить треугольник гладкой груди, который стал виден, когда он расстегнул воротник.

– Хорошо, что на рубашку практически ничего не попало, а то общественность имеет тенденцию хмуриться, наблюдая полуголых бизнесменов.

Я представила его без рубашки и чуть не врезалась в почтовый ящик.

– Это была шутка, – говорит он, улыбаясь.

Сквозь запах соленого морского воздуха и выхлопов автомобилей я ощущаю его запах: свежесть, мыло и чистота.

– О, – произношу я, избегая выбоины и размышляя о том, что никто не будет хмуриться, глядя на такое тело. – Смешно.

– Эта встреча, должно быть, действительно очень важна, – говорит он, – раз вы столь отвлечены, что даже не можете побеседовать с красивым мужчиной.

– Так и есть, – говорю я, отдаляясь от него ровно настолько, чтобы обойти женщину, выгуливающую пуделя. – Судьбоносная, я бы сказала. Это собеседование в «Кэррингера».

– Ауч, – говорит он, в притворстве положив руку на сердце. – Так вы не хотите откусить кусочек красоты?

– Ох! – *Смывайся отсюда, кусочек красоты, пожалуйста.* Спасибо, Господи, за прохладный воздух. – Это не то, что я имела в виду. Просто...

– Так вы признаетесь, что находите меня привлекательным?

– Ни в чём я не признаюсь, – отвечаю смеясь.

Он усмехается:

– Мой тип девушки.

Я останавливаюсь перевести дух, когда мы оказываемся у великолепного фасада аукционного дома «Кэррингера». Время распрощаться с мистером Очарование. Я бы солгала, если бы сказала, что не была слегка разочарована из-за его ухода.

Он улыбнулся, стоя со мной лицом к лицу и, *О, Боже Милостивый*, у него ямочки на щеках.

– Удачи на собеседовании.

– Спасибо, – говорю я, в последний раз бросая взгляд на часы. 8:54.

– Вы сразите их наповал, – говорит он.

Я киваю, стараясь нацепить на лицо уверенную улыбку.

Смотрю на двери, которые мечтала открыть всю прошедшую неделю – ну, вообще-то, последние двадцать лет – и снова ощущаю прилив надежды. У меня есть пять минут, чтобы зайти внутрь и собраться, дабы показать этим людям, из какого теста я сделана. Но сначала еще одна вещь:

– Вы уверены, что я не могу возместить вам ущерб за испорченный галстук?

– Вот что, – говорит он, его глаза мерцают. – Я буду околачиваться в этих местах на следующей неделе, так что, если будете работать, сможете купить мне кофе.

Наверное оттого, что он такой великолепный и заставил меня чувствовать себя лучше, и потому, что я, скорее всего, больше никогда его не увижу, во мне вдруг просыпается смелость. И я говорю:

– Не для протокола, я бы определенно назвала вас привлекательным, – подмигиваю ему, наслаждаясь удивленным выражением, появившимся на его таком-определенно-более-чем-просто-красивом лице, а потом делаю шаг, отдаляясь от него, ступая навстречу своему будущему.

Внутри моя храбрость испаряется: это место действительно впечатляет. Огромнейший вестибюль с отполированным до блеска мраморным полом, белыми мраморными колоннами, доходящими до потолка и, чёрт возьми, подлинная скульптура Родена в центре комнаты. Я с благоговением пялюсь на неё, пока не замечаю оживлённую маленькую женщину, держащую в руках папку. Нервно приближаюсь к ней.

– Здравствуйте, я Грэйс.

– Бэннет? Вы пришли последней. – Она выводит меня из вестибюля и подталкивает в сторону главного аукционного зала. Я поправляю свою юбку и убеждаюсь, что блейзер сидит на мне ровно.

– Я нормально выгляжу? – спрашиваю я, но она игнорирует мой вопрос и открывает двери.

Она загоняет меня внутрь, где женщина в строгом черном деловом костюме обращается к десяткам мужчин и женщин моего возраста, которые уже стоят за столами, на которых сложены стопки бумаг и блестящих глянцевых фотографий. Она прерывает свою речь и устремляет на меня взгляд, пока я направляюсь к единственному пустующему столику, ближайшему к ней.

– Извините, – шепчу я, но она игнорирует меня. Стоящий за соседним столом парень в костюме от Армани, на волосах у которого геля достаточно, чтобы смазать колеса, закатывает глаза.

– Как я говорила, – продолжает прерванную речь женщина, сделав паузу лишь для того, чтобы посмотреть на меня еще раз, – меня зовут Лидия Форбс, я начальник отдела кадров. Ну а поскольку это непосредственно вас касается, то делает меня госпожой Судьбой. Для одного из вас эта стажировка изменит ход всей дальнейшей жизни.

Спасибо, что напомнили.

– Все остальные продолжают поиски неуловимой жемчужины, чтобы начать свою карьеру.

Я, наверное, надышалась свежим воздухом, но остальные кандидаты в своих дорогих нарядах одновременно кивнули, словно роботы.

Лидия продолжает говорить, расхаживая при этом по комнате:

– Перед собой вы найдете описания и фотографии десяти объектов, которые представляют различные типы изобразительного и декоративного искусства, аналогичные выставленным на аукционах здесь, в «Кэррингере». У вас ровно тридцать минут, чтобы идентифицировать и оценить каждый из них. После этого с вами проведут собеседование.

Мой пульс участился, словно я продолжала бежать, но причиной тому было волнение, смешанное с моей крайней обеспокоенностью. Я начинаю поглядывать на красивые предметы искусства. И хотя я до сих пор нервничаю, все же знаю, что годы, проведенные за тренировкой собственных мозгов, чтобы получить достойный уровень знаний в области искусства (работая при этом полный рабочий день), наконец-то окупятся.

Лидия останавливается передо мной, барабанив ногтями с французским маникюром по краю моего стола.

– У каждого из вас отличное резюме, но только один может быть лучше всех остальных.

Она одаряет меня легкой насмешливой улыбкой, прежде чем отойти, и я чувствую, что моё сердце действительно может выпрыгнуть из груди, но тем не менее я знаю, что могу сделать это. Мама сказала бы мне сделать три глубоких вдоха и дерзнуть. Я слышу её голос у себя в голове:

«Всё замедляется; ты можешь сосредоточиться».

Острые каблукы Лидии издают такой звук, словно кошка царапает когтями пол.

– Ваше время пошло.

Это твоя мечта, Грэйс. Я делаю три глубоких вдоха и погружаюсь.

– Прошлым летом я провела в Италии целых шесть недель, но теперь Рим кажется таким провинциальным, знаете ли? – говорит снобистского вида брюнетка с идеально прямыми блестящими волосами, сидящая рядом со мной.

Я уже примерно час находилась в гостиной – слишком роскошной, чтобы называться комнатой ожидания – у кабинета Лидии. Стены украшены произведениями искусства, каждое из которых определенно стоит не меньше моей зарплаты за сотню лет. Беспокойство всё сильнее скручивает мой желудок в тяжелый узел, по мере того как я слышу все больше и больше разговоров других претендентов об их фамильных поместьях на Кейп-Коде⁶ и общих друзьях из школ-интернатов и колледжей Лиги плюща.

Это словно окно в совершенно другой мир. Они даже используют слово «лето» в качестве глагола, например: «Где ты летничал»? – собственно так и начался разговор рядом со мной. Единственные места, где я когда-либо «летничала» – это в патио вместе с мамой, с лимонным соком на наших волосах, для их осветления, и редкие поездки в общественный бассейн.

– О, Челси, – говорит девушка номер два. – Только лишь из-за того, что парень, с которым ты встретишься во Флоренции, так тебе и не перезвонил, пребывание в Италии не становится ужасным разочарованием.

– Я тебя умоляю, Анжелика, ты едешь за границу лишь потому, что твой папочка сказал, что ты не можешь проваляться еще одно лето в его доме в Хэмптоне.⁷

– Он также заставил меня подать заявку на эту стажировку, – надулась Анжелика. – Какой-то его старый приятель знает тут кого-то и бла-бла. – *Бла-бла* – так эта девушка относится к связям, за которые я готова убить. Она даже не представляет, какая она везучая. – Папа думает, что мой диплом Йеля делает меня гением, но я же знаю, что только что провалила это задание. – Она приглаживает светлые, выбившиеся из пучка волосы. – Я даже не знаю, что это была за штуковина в виде стержня! По мне, так выглядело как сломанные щипцы для завивки.

Я старалась не думать о том, насколько это несправедливо. Мир искусства таков везде, все зависит от того, кого вы знаете, в каких кругах крутитесь и насколько богата ваша семья. У меня нет соседа-кинозвезды или трастового фонда, поэтому девушки вроде этих никогда не будут воспринимать меня всерьез, но это, к счастью, не повлияет на мое финальное собеседование. Я знаю, что успешно справилась с заданием. *А та «штуковина в виде стержня» – немецкий скипетр семнадцатого века, а не аксессуар из салона красоты.* Я еле сдержалась, чтобы не сказать об этом вслух.

Ассистентка Лидии со своей папкой появляется в тот момент, когда недавний засранец в костюме от Армани вышел из ее кабинета.

– Грэйс Беннет?

Я встаю и захожу в комнату. Мои руки вспотели, а горло пересохло. Я опускаюсь в одно из кресел напротив стеклянного рабочего стола Лидии. В отличие от остального здания, эта комната полностью современная, в стиле хай-тек, украшенная лишь парочкой античных китайских клуазоне ваз.⁸

– Мисс Беннет, – произносит Лидия, откинувшись на спинку своего белого кожаного кресла. Её идеально уложенные волосы не шелохнулись, пока она осматривала меня с головы до ног. – Здесь сказано, что вы учились в... Монклерском Общественном Колледже. – Она протяжно

выговаривает последние три слова, явно забавляясь. – Не знала, что можно получить приличный уровень знаний в области изящных искусств в общественном колледже.

– Не все из них предлагают подобную программу, – отвечаю я, чувствуя, как сердце екает из-за этой неожиданно возникшей преграды. – Мне посчастливилось найти Монклерский Общественный Колледж, после того как я бросила учебу в Университете Тафтса.⁹

– Вы были студенткой Тафтса? – она выглядит удивленной.

– Я посещала занятия на протяжении года, училась на полную стипендию, до того как... по семейным обстоятельствам мне не пришлось вернуться домой.

Лидия ждет объяснений, но я больше ничего не добавляю. Болезнь мамы, ее последующая смерть – мне до сих пор слишком больно говорить об этом. Вскоре Лидия, сдвинув очки на кончик своего острого носа, просматривает следующий лист бумаги, находящийся у неё в папке.

– Вы очень хорошо справились с заданием.

Я выдохнула. Казалось, я не дышала с тех пор, как зашла в аукционный дом.

– О, очень приятно слышать. – *Я знала!* – Я просто так сильно люблю искусство – эпоха Барокко моя самая любимая, движение в картинах, энергия и жизнь в таких драматических и ярких деталях – но любой истинный шедевр искусства поражает меня прямо сюда, понимаете? – Я касаюсь своего сердца. – Это как настоящий физический отклик. И я просто хочу находиться в окружении всей этой красоты, творений рук человеческих, истории произведений искусства, которые находятся тут, у вас.

Лидия снимает очки, почти улыбаясь мне. Наверное, несмотря ни на что, это все же не так уж маловероятно.

– Другие претенденты также справились хорошо, – говорит она. – Расскажите, почему именно вы заслуживаете этого.

Я снова вдохнула. С чего бы начать?

– Если вы дадите мне эту возможность, Мисс Форбс, я буду работать очень усердно, усерднее, чем кто-либо другой. Я понимаю, какая это возможность и не воспринимаю ее как должное. – *Не так, как те детки снаружи с трастовыми фондами,* добавляю я про себя. – Днём или ночью, в зависимости от того, что будет нужно «Кэррингера». Я хочу эту работу, и... честно говоря, это всё, чего я когда-либо хотела. Я знаю, что буду действительно хороша в этом деле, и если вы просто позволите мне...

– Спасибо, мисс Беннет, – перебивает она меня. Резко встает, так что и мне пришлось последовать ее примеру. Моя юбка прилипла сзади к моим ногам. – На этом всё.

Она жестом указывает мне на дверь, около которой я замечаю ее ассистентку, которая стояла там подобно статуе на протяжении всего собеседования. Мои щеки вспыхивают.

Немного растерявшись, я благодарю её пересекая кабинет в сторону входной двери.

– Мы свяжемся с вами, – говорит Лидия, когда я покидаю кабинет и снова окунаюсь в море богатеньких детишек, их дизайнерских шмоток и школьных связей, чувствуя себя самой огромной рыбой, которую только выбросили на сушу. Что только что произошло?

Челси и Анжелика по-прежнему сидят на своих местах, болтая и смеясь. Они совсем не нервничают, и я задумываюсь, каково это – когда тебе не нужно так усердно стараться. Иметь влиятельного папочку, который может подергать за ниточки, чтобы устроить тебе собеседование, и по жизни получать всё на блюде с голубой каёмочкой. Когда я прохожу мимо, ассистентка Лидии называет какое-то до безумия смешное имя вроде «Грандельвиль Брэндиблерг», и Анжелика произносит:

– О, он должен быть действительно хорош. А его мать тут член Совета директоров.

– Я не волнуюсь, – беззаботно отвечает Челси. – Ты знаешь, мой отец – один из самых крупных их клиентов. Моё имя уже красуется на всех необходимых бумагах.

Анжелика закатывает глаза.

– И чего я вообще беспокоюсь?

Челси замечает, что я наблюдаю за ними, и ухмыляется.

– Никому из вас и не нужно беспокоиться. Это всё показуха.

Она разглядывает меня с ног до головы и, демонстративно громко прочистив горло, говорит:

– К слову о показухах ...

Сидящая рядом с ней Анжелика начинает хихикать.

У меня всё внутри обрывается. Начинают подступать слезы, и я быстро ухожу прочь, ускоряя темп, несмотря на боль и волдыри на ногах. Я должна надеяться, что эта испорченная, самодовольная девушка с блестящими волосами всё-таки ошибается. Что весь этот день не был простой формальностью, как она думает, и что у меня всё еще есть шанс. *Мамочка, я сделала всё, что было в моих силах.* Я скрестила пальцы, ныряя обратно в суматоху городских улиц.

ГЛАВА 2

– Заказ готов! Шестой столик!

Суэта в ресторане «У Джованни» – это организованный хаос. Три года назад, только начав тут работать, я была всерьез запугана, но сейчас я могу с закрытыми глазами маневрировать среди двадцати пяти столиков с красно-белыми клетчатыми скатертями, и при этом нести поднос в два раза шире своих плеч. Я все еще могу немного пахнуть «маринара»,¹⁰ но теперь на моей рубашке его гораздо меньше, чем в те далекие дни.

Я хватаю две дымящиеся тарелки с фирменным блюдом от Джованни – классические спагетти с домашним томатным соусом «маринара» и фрикадельками размером с ваш кулак. В кухонном окошке появляется широкое улыбающееся лицо шеф-повара Фреда.

– Как прошло сегодня твоё важное собеседование?

– Откуда ты узнал о нём? Я рассказала только Ноне.

– Ты сама ответила на свой вопрос, разве нет, мисси, – произносит он и смеется. – Ты же её знаешь.

Здорово.

– То есть все знают?

– Почти все!

Лонни, повар линии раздачи, выкрикивает:

– Уверен, ты отлично справилась, Грэйс!

Хор поощрительных реплик с кухни напоминает мне, почему я люблю это место, но и вынуждает волноваться, что я могу разочаровать людей, которые стали моей семьей.

– Это было просто собеседование, – говорю я, укладывая по веточке петрушки на каждую тарелку.

– Ты здесь самая умная девушка, Грэйс, – сказал Фред, сливая воду из гигантской кастрюли с лингвини¹¹.

– Спасибо, но конкуренция за место действительно большая, и связи имеют значение...

– У тебя самые лучшие связи – с нашей семьей, верно? – Он ставит на стол тарелку с пастой «Примавера»¹² и фрикадельками. – Заказ готов! Второй столик! – Фред подмигивает мне. – Дело в шляпе, малышка.

Я доставляю наши знаменитые фрикадельки – последние пять лет их признают лучшими в городе, Джованни лично привез рецепт из Италии – за столик паре, у которой, очевидно, первое свидание.

– Свежий пармезан? – Под их взглядами натираю сыр. – Приятного аппетита!

У нас всегда много посетителей, и обычно скорого темпа работы этого ресторана достаточно, чтобы меня отвлечь, но сегодня я не могу перестать думать о «Кэррингс» или о своих опасениях. Я ставлю корзинку с хлебом новой семье за десятым столиком, когда знакомый голос Ноны окликает меня:

– Грэйс, иди сюда и обними меня!

Нона и Джованни – первоначальные владельцы. Им уже по семьдесят, поэтому технически они считаются на пенсии, но по-прежнему проводят большую часть вечеров за центральным столиком, попивая граппу¹³ и правя своей личной Маленькой Италией на Норт-Бич в Сан-Франциско: приветствуя посетителей, обсуждая еду (Джованни) и тиская за щеки и раздавая леденцы (Нона). Все любят их почти также, как еду.

Нона обнимает меня, положив руку мне на талию.

– Это, – говорит она друзьям за своим столиком, – моя Грэйси.

– Привет, Грэйси, – хором произносят дамы.

Нона сияет как гордая бабушка.

– Вы должны увидеть ее картины! Настоящий талант, как и ее мать. – Нона тискает меня за щеки. – В один прекрасный день она станет известной.

Я фальшиво улыбнулась, надеясь, что улыбка походила на настоящую.

– Спасибо, Нона, – произношу я, делая шаг назад.

– Она стесняется, – словно суфлер шепчет Нона гостям за своим столом, и все женщины громко смеются.

– Приятно со всеми вами познакомиться. – Я целую Нону в макушку. – Мне нужно возвращаться к делам, чтобы продолжать радовать ваших гостей.

Вся тяжесть ожидания и хрупких надежд начинает давить на меня. Я делаю глубокий вдох и направляюсь через заднюю дверь на улицу. Если бы я курила, то мне бы понадобилось сейчас затянуться сигаретой. Знаю, это глупо, но я проверила свой телефон. Конечно, никаких звонков.

– Что мне делать? – прошептала я, взглянув вверх на клубы поднимающегося тумана, отсвечивающего желтым в свете уличных фонарей.

– Делать с чем, куколка?

– Дерьмо! – Я подскочила и развернулась, чтобы посмотреть на говорившего. Им оказался кузен Эдди – болтун, на десять лет моложе меня, весь из себя очаровашка, которого интересовали только тренажерный зал и треп с девчонками. – Эдди, я думала, что я тут одна.

Он выныривает из тени, где курил.

– Ты можешь быть одна со мной в любое время, ты же знаешь. – Слова настоящие и искренние, несмотря на то, что он флиртует, что является его второй натурой. Его кожаная куртка скрипит, когда он склоняется ближе. – Что тебе нужно, чтобы решить твою маленькую проблемку?

– К сожалению, ничего, с чем бы ты мог помочь.

Он раскидывает руки, будто хочет обнять, и я вспоминаю о загадочном – и к тому же совершенно великолепном – британце-произведении искусства, в которого врезалась сегодня утром, когда он наслаждался кофе. Я бы с радостью шагнула в его распростертые объятия.

– Ну же, – произнес Эдди, – расскажи кузену Эдди, что случилось?

– Спасибо, Эдди, правда. – Я по-сестрински погладила его по плечу. – Но у меня все в порядке.

Он проводит рукой по своим волосам, густо смазанным гелем, и ухмыляется в стиле Джоуи Триббиани – «Как-делишки»¹⁴.

– В таком случае, пошли со мной на танцы сегодня вечером. Ты почувствуешь себя лучше, чем просто в порядке...

– Эдди, это ты? – Нона выходит в переулочек и хлопает его по спине. – Хорошо, что ты здесь. Сходи, помоги отнести коробки с вином, ладно?

– Если передумаешь, куколка, – подмигивает мне Эдди, перед тем как вернуться в ресторан.

– Кыш! – говорит Нона и поворачивается ко мне, качая головой. – Ох уж этот мальчишка... – Она смотрит на меня из-под рыжей крашеной челки. – Ты в порядке, милая? Ты же знаешь, Эдди безобиден.

– Знаю, Нона. Дело не в нем. Наверно я просто нервничаю из-за стажировки. – Я еще раз бросаю взгляд на телефон.

– Они позвонят, Грэйси. Позвонят.

И я произношу то, о чем думала с самого утра, с того момента как встала с постели:

– А что, если я просто недостаточно хороша? Что, если я никогда не буду достаточно хороша?

– Ох, милая. – Она обнимает меня.

Я сдерживаю слезы.

– Я весь год пыталась, снова и снова, и это моя единственная возможность. Никто больше даже не заинтересовался.

– Ты сильная и талантливая, – произнесла Нона. – Более того, ты полна решимости, так же как твоя мама. – Она присаживается на перевернутый деревянный ящик. – Никогда не забуду, когда впервые увидела твою маму и тебя. Тебе было где-то около двух лет, ты была очень рассержена: кричала и билась в своей коляске. Твоя мама в отчаянии зашла к нам и попросила молока. Джованни лишь взглянул на тебя и сказал ей, что у него есть кое-что получше. Он вынес тарелку канноли¹⁵ – сладкий крем всегда успокаивал Кармеллу, когда она была малышкой – и ты тут же замолчала и начала уплетать за обе щеки. – Она расхохоталась своим раскатистым смехом, и я не смогла сдержаться и присоединилась к ней, хотя слышала эту историю уже сотню раз. От этого я всегда чувствовала себя ближе к маме.

– Твоя мама была так благодарна, хотя ты и была вся покрыта сахаром и крошками, но, наконец-то, перестала плакать. После этого она навещала нас каждый раз, когда вы вдвоем приезжали в город. Я узнала, какой сильной она была, как усердно трудилась в одиночку, чтобы обеспечить вас хорошим, надежным домом. Она никогда не сдавалась, и ты такая же.

Теперь я не могу сдержать слез.

– Хотела бы я, чтобы она могла быть сейчас тут, – шепчу я. – Хотела бы...

Нона протягивает руку и касается моей щеки:

– Она любила тебя, Грэйси. А любовь никогда не умирает.

В конце смены я отдаю работникам кухни их долю от моих чаевых и получаю еще один раунд подбадриваний, типа: «В путь», «Ты станешь звездой», «Не забудь нас, когда будешь знаменита», а бонусом – поцелуй от Ноны.

– Не переживай, – говорит она, когда я иду домой – вверх по лестнице за рестораном Джованни, в квартиру на верхнем этаже.

Последний год я живу прямо над рестораном. Квартирка насквозь пропахла итальянской едой, но когда мне нужно было куда-то переехать, ди Фиорес предложили мне это место по невероятно хорошей цене. Еще один их бескорыстный поступок в отношении меня. Джованни сказал, это для того, чтобы у меня больше никогда не было оправданий для опозданий, но я опоздала на работу лишь однажды и всегда знала, что Нона очень волнуется каждый раз, когда мне приходится уходить с работы после полуночи и ехать домой на автобусе. Она, и правда, как приемная мама – мне очень повезло, что меня приняли в эту любящую, немного беспокойную и очень шумную вторую семью.

До меня все еще доносится их смех, успокаивающий гул голосов, и я начинаю готовиться ко сну. Дочь Ноны и Джованни – Кармелла – за соседней дверью накрывает стол, к ней присоединяются ее муж Фред и несколько других поваров, чтобы выпить вина и закусить. У меня есть постоянное приглашение присоединиться к ним, и когда я прихожу, они обращаются со мной как с одной из своих.

Мне повезло. После смерти мамы я чувствовала себя так, будто у меня никого нет. Я была так потеряна и одинока. И тогда ди Фиорес дали мне больше, чем просто работу, больше чем семью – они дали мне очередной шанс исполнить свои мечты. Без денег, которые я зарабатывала в ресторане «У Джованни», я бы никогда не смогла заплатить за колледж – даже за общественный колледж, который Лидия-Модные-Штаны подняла на смех – а без их поддержки и одобрения я бы никогда не смогла продолжить обучение и заниматься искусством.

Я чищу зубы и смотрю на одну из картин моей мамы. Пейзаж Оклендских холмов: покачивающаяся зеленая трава и деревья, словно ожившие идвигающиеся от дуновений невидимого бриза. Эта квартирка маленькая, но домашняя, похожа на ту, где я жила в детстве.

Отец бросил маму, когда она была беременна, так что мы вдвоем жили на ее зарплату работающей матери-одиночки, но она никогда не позволяла мне почувствовать, что мы стеснены в средствах.

Я научилась у мамы трюкам, как создавать красоту и не тратить при этом деньги. У меня есть несколько живых растений в небольших горшках у окон, и я использую много ярких цветов и тканей для декорирования всего помещения. Я выплюнула зубную пасту и вернула щетку в футляр, который по форме напоминает океанскую волну. «Это мелочи», – так всегда говорила моя мама, и я воспринимала их близко к сердцу.

Любовь моей мамы продолжает жить, и я знаю, то, что сказала Нона – правда, но я скучаю по возможности слышать мамин смех и видеть ее улыбку, видеть то, как она загоралась, когда в дни бесплатных посещений бывала в городских музеях, как она часами стояла перед картинами или скульптурами.

«Посмотри на эту линию, Грэйс, как она разделяет свет на тень. – Она научила меня находить точку энергии в полотнах, где все линии, казалось, сходились и расходились. – Вот где скрыт смысл».

Я надела пижаму и в очередной раз с восхищением посмотрела на разнообразные коллажи на стенах – картинки, которые я прикупила в Чайна-тауне или у уличных торговцев на арт-ярмарках. Мама любила искусство ради искусства, а не потому, что тот или иной предмет был известным. Она научила меня верить, что если какое-то творение меня тронуло или зацепило, то этого достаточно.

Больше всего я скучаю по тому, как наблюдала за работой мамы в гостиной, когда старая простыня была накинута на нашу мебель из комиссионного магазина, а на мамином лице, когда она рисовала, было одно выражение – сконцентрированное блаженство. Мне нравится думать, что и мое лицо выглядит так же, когда я творю. Давненько я не чувствовала вдохновения. Я была не в состоянии рисовать, с тех пор как она умерла, словно с ее утратой и из моих работ ушла радость.

Как только я залезла под одеяло, мой телефон тренькнул. Должно быть, я пропустила звонок, когда прибиралась после смены. Я хватаю его, снимаю с ночного режима и смотрю на светящийся экран.

У вас одно новое сообщение...

Я захожу на голосовую почту и нажимаю кнопку «воспроизвести», и когда я прослушиваю, мое сердце подскакивает к горлу. Это ассистент Лидии из аукционного дома!

– Мисс Беннет? Поздравляем. Пожалуйста, подъезжайте завтра к девяти утра, чтобы начать работу на новой должности.

Да!

Я прослушиваю сообщение три раза подряд, просто чтобы убедиться, что не сплю, я так широко улыбаюсь, что лицо начинает сводить. У меня получилось! После всех трудов, всех переживаний, у меня наконец-то прорыв.

Я возвращаюсь в кровать и даю волю воображению. Сначала эта стажировка, а потом – кто знает? С такой работой и достаточным практическим опытом в моем резюме, я смогу стать оценщиком или покупателем в одном из самых престижных и уважаемых аукционных домов мира. Больше не нужно будет перебиваться от зарплаты до зарплаты.

Наконец-то мои дела пойдут в гору.

ГЛАВА 3

Я рано приезжаю к большим золотым воротам «Кэррингера» – ровно полдевятого. Никакого прикурка-таксиста, никакой пробежки на каблучках, никакого растекшегося макияжа. Это мой шанс показать им, что они приняли правильное решение. Когда я подхожу ко входу, мой мобильный издает писк.

«Удачи! Срази их наповал!»

Это от моей подруги Пэйдж, соседки по комнате из Тафтса, превратившейся в подельницу. Мы не теряли связь после моего ухода, но теперь она работала в Лондоне, и наша дружба протекала по скайпу или смс. И все же, я рада ее подбадриванию.

«Спасибо!» – отправила я ответ. – *Мне она понадобится».*

Соленый ветер океана пробирается под тонкое черное платье, но я замедляюсь перед входом, чтобы вернуть невозмутимость. Я оглядываюсь по сторонам на утреннюю суетливость толпы и задумываюсь, увижу ли вчерашнего парня с телом, как у статуй работы Микеланджело. Он должен работать где-то неподалеку, верно?

Без пятнадцати девять я открываю двери. В холле никого, кроме озирающегося долговязого мужчины в дизайнерском костюме. Он подходит ко мне, выглядя напряженным.

– Грэйс?

– Да, привет! – я протягиваю руку. – Я так рада быть здесь и очень взволнована.

– Очарован. Я Стэнфорд, следуй за мной, – произносит он, открывает дверь и ведет меня вниз по лестнице. – Я отвечаю за новичков.

Я следую за ним, когда он спускается вниз в подвал. Лестница жуткая: голый бетон и металл – ничего общего с роскошными лестницами верхних этажей.

– Здесь мы получаем наши бейджи? – спросила я нервно.

– О чем ты, милая? – он ведет меня по темному коридору и включает свет. Я смотрю на кладовку за ним, забитую ведрами, швабрами, спреями и полным ассортиментом тряпок и губок. – Вау! Ты можешь приступить к работе прямо сейчас.

Подождите, что?

– Думаю, здесь какая-то ошибка, – говорю я смущенно. – Вы уверены, что я должна быть здесь? Стажировка...

– Лидия оставила инструкции, – пожимает плечами Стэнфорд. – Прости. Сначала ты должна подмести холл.

Его телефон начинает звонить.

– Мне нужно идти. Добро пожаловать в «Кэррингера»!

Он уходит, и я чувствую, как к горлу начинает подступать ком еще до того, как из жуткого коридора перестает доноситься звук его шагов. Я оглядываюсь по сторонам. Это какая-то проверка? Или шутка? Зачем им так поступать? Нет, что-то не так. Это, должно быть, ошибка.

Я возвращаюсь назад в холл и нахожу кабинет Лидии.

Перевожу дыхание и стучусь.

– Да?

Распахиваю дверь и обнаруживаю Лидию, уютно сидящую на диване и попивающую чай с Челси, светленькой девушкой с собеседования – той, которая хвасталась, что стажировка у нее в кармане.

Я остановилась в замешательстве.

– Я, э-э, по поводу стажировки, – говорю я, чувствуя себя так, словно стою на краю скалы и вот-вот упаду. Что-то определенно не так.

Челси смеется.

– О чем ты говоришь? Стажировка – моя.

Я поворачиваюсь к Лидии, игнорируя Челси.

– Вчера вечером ваш ассистент позвонил мне по поводу работы, – говорю ей. Я слышу мольбу в своем голосе, но не могу сдержаться. – Вот, послушайте.

Я проигрываю сообщение через динамик, чтобы все могли слышать, и впервые я рада, что никогда не удаляю голосовые сообщения.

– О, Боже, – Лидия выглядит слегка сочувствующе. – Прошу прощения, Мисс Беннет. Мой ассистент должен был предложить вам должность клерка – работа с документами, легкая уборка, помощь с доставками и тому подобное.

Мое сердце обрывается.

– То есть меня не взяли на стажировку?

– Нет.

Я кусаю себя за внутреннюю часть щеки, чтобы сдержать подступившие слезы. Я так и знала! После всей моей радости и поздравлений, это оказалось лишь большой ошибкой.

– Простите, что отняла ваше время, – говорю я, радуясь, что голос звучит твердо. Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но Лидия меня окликает:

– Так вам не нужна работа?

Я остановилась.

– Вы имеете в виду, уборщицей?

– На должности клерка, – исправляет меня. – Может это и не то, на что вы надеялись, но она оплачиваемая, к тому же в штате «Кэррингс». И кто знает? Может, это первый шаг, и для вас откроются двери, – говорит Лидия. – Вы говорили, что готовы заниматься всем, не так ли?

Челси ухмыляется.

– Неужели так и сказала?

– Это шанс проявить себя, – говорит Лидия. – Возможно, если вы сможете показать, что соответствуете требованиям «Кэррингс», то появится возможность для дальнейшего продвижения.

– Возможно, когда-нибудь ты сможешь приблизиться к произведениям искусства, – самодовольно добавляет Челси.

Мои мысли пустились вскачь. Мне хочется выйти и оставить Челси с ее ехидной стервозностью, но я и правда говорила, что готова на все. Это действительно так. Хотя это и не совсем то, чего я хотела, но все же работа в мире искусства. Старт. Будет глупо им не воспользоваться.

– Я согласна, – говорю я решительно. *«Ищи красоту»*, – слышу я слова мамы в голове и снова киваю. – Я займусь этой работой. Спасибо.

Следующие девять часов я провожу в картотеке, где хранятся забытые файлы. А при надобности они отыскиваются каким-нибудь бедным клерком вроде меня, нанятым организовать и провести инвентаризацию всех старых аукционных торгов.

Хотя, по правде сказать, все не так уж плохо. Лучше, чем подметать холл, что, я уверена, мне предстоит делать завтра. Собирая и сортируя файлы, я могу читать о произведениях искусства, смотреть на фотографии красивейших из когда-либо созданных картин, украшений или предметов мебели, и знакомиться с историей аукционного дома. Я фантазировала, что владею настоящими работами Моне или Рембрандта, или Ротко. Можете себе представить?

В шесть часов я закрыла на ключ архив и пошла наверх искать Стэнфорда.

– Увидимся утром.

– Подожди, – он останавливает меня, – мне нужно, чтобы ты задержалась. – Он хватает меня за руку и разворачивает к главному аукционному залу. – Поставщик кейтеринга¹⁶ что-то напутал, и сегодня вечером нам не хватает пятерых официантов. Нам нужно, чтобы ты их прикрыла.

– У меня другая работа, – запротестовала я.

– За это заплатят дополнительно, и чаевые тоже, – произнес Стэнфорд. – Пожалуйста? Я бы даже не просил, но Ее Величество срывается на мне. И вот. – Он осматривает меня с головы до ног. – К тому же, одета ты соответствующе.

Мне нет нужды спрашивать, кто такая «Ее Величество». Стэнфорд, похоже, в отчаянии, поэтому я вздыхаю и киваю:

– Ладно, я останусь.

– Золотце! – Он хлопает в ладоши с благодарностью. – Ты не могла бы начать с расстановки? Нужно вынести стулья для аукциона. – Он указывает на двойные двери в дальнем конце коридора. – Там есть еще. Расставь их рядами – как те, которые уже стоят.

Когда я тащусь по мраморному полу, то размышляю, как же реальность отличается от моих фантазий о первом рабочем дне. Я думала, что буду консультировать по поводу бесценных произведений искусства, а вместо этого таскаю мебель и сервирую канapé. Но вместе с тем я взволнована из-за сегодняшнего аукциона. Я никогда раньше на них не бывала. Возможно, мне представится возможность понаблюдать, увидеть воочию, как это все происходит.

Двери в хранилище в задней части аукционного зала открыты, давая доступ к залу, где хранятся лоты в ожидании проведения торгов, зона обычно зарезервированная для VIP-персон и сотрудников на высоких должностях. Я увидела тележку со стопкой перевернутых белых стульев, но прежде чем я успела к ним подойти, до меня доносится мягкое журчание приглушенных голосов и щелчки нескольких фотокамер. Массивное полотно расположено на раме с колесиками, а вокруг вьются несколько фотографов и репортеров с маленькими блокнотами.

Меня тянет к нему как магнитом, а подойдя ближе, я определяю, что это Рубенс – фламандский живописец периода Барокко, один из самых востребованных художников семнадцатого века. Господи, охренеть! Настоящий шедевр. «Суд Париса» – сцена в лесу с обнаженными богинями, которые выставляют себя напоказ, танцуют, демонстрируют свою красоту перед двумя богами, которые должны выбрать из них прекраснейшую. Вся картина представлена в пленительном сочетании насыщенного света и тени.

– Восхитительно, не правда ли? – произносит мне в ухо шелковистый голос, и от неожиданности я чуть не выпрыгнула из кожи. Поворачиваюсь, чтобы узреть прямо перед собой вчерашнего сексуального британца, который выглядит так же великолепно, как я его помню. Он улыбается, и его ямочки будто подмигивают мне.

Только не упади в обморок.

– Настоящий шедевр, – говорю я, надеясь, что он не решит по моим быстро краснеющим щекам, что я говорю так о нем, хотя отчасти я и его имела в виду.

– Классика, – многозначительно вздыхает он и смотрит на меня. – Для вас, наверное, это привычное дело теперь. Видеть вблизи такие красивые произведения искусства.

Я улыбаюсь.

– К этому нельзя привыкнуть, – говорю я. – Искусство означает, что его можно увидеть с миллиона различных сторон.

Он выглядит удивленным, затем кивает с одобрением:

– Я чувствую также.

Помнит ли он меня? Или вчера я была лишь временным отвлечением на его пути в офис, пикантностью для его утреннего развлечения?

– Полотно принадлежит одной из моих любимых эпох.

– Вам нравится драма, присущая Барокко, не так ли? – говорит он, щурясь на меня игриво. –

Вы королева драмы?

В самом деле, он флиртует со мной, потому что помнит нашу встречу, или это его обычное поведение при общении с женщинами?

– Вы разбираетесь в искусстве, – выдаю я под впечатлением.

– Лучше, – говорит он. – Я трачу на него много денег.

Так он коллекционер. Я снова смотрю на картину: женщины, словно танцующие прямо на холсте, движутся среди глубоких зеленых теней в насыщенных мазках.

– Мне нравятся глубокие тени и мерцающие детали, словно они могут сойти с картины и... –

Мой голос затихает, когда я понимаю, что говорю бессвязно. – Простите, я просто взволнована.

– Не извиняйтесь. Я понимаю, – ответил он, и похоже, он меня действительно понимает.

Мы вновь развернулись к картине. Он стоит рядом со мной, и я чувствую жар его тела вдоль своего, его рукав мягко касается моей обнаженной руки.

– Только подумайте, – говорит он, подходя ближе, своим плечом задевая мое, – на этом холсте мазки, которым уже тысячи лет. В отличие от этого нового галстука, который мне пришлось купить вчера, потому что кое-какая недотепа облила меня кофе.

Попалась! Я шлепаю его по бицепсу. По его твердому, рельефному бицепсу под дорогим костюмом.

– Так вы меня помните!

– Как я мог забыть первого человека, который врезался в меня с кофе? – усмехается он. – Вы уничтожили мой любимый галстук.

– Вы сказали, что он вам не нравился!

– Мужчины все время лгут красивым девушкам.

Я краснею. Боже, есть ли способ удержать свое тело от проявления влечения?

– Я же сказала, что куплю вам новый. Хотя синий цвет в этом галстуке мне нравится.

– Потому что он подчеркивает мои глаза? – дразнит он.

– Вы это хотели бы услышать? – усмехаюсь я, притворно закатывая глаза, хотя мое сердце бешено колотится. – Или это то, что вы бы сказали любой симпатичной девушке, с которой только что познакомились?

– Так, мы вернулись к вашему признанию, что я горяч.

Я отмахнулась.

– Я даже не обратила внимания на цвет ваших глаз.

– Так, мы вернулись к тому, что вы ужасная лгунья.

Я громко рассмеялась и несколько присутствующих ценителей искусства оборачиваются на нас. Я осматриваю зал в поисках Стэнфорда или Лидии. Все чисто. Пока что. Фух.

– Как я понял, вы получили работу? – говорит загадочный красавчик-коллекционер.

– Ну, вроде того, – я медлю, вспомнив, зачем меня сюда позвали. – Вообще-то, мне, наверное, стоит вернуться к работе, пока мой босс...

Он поднимает свой галстук.

– Я позволю пролить что-нибудь на этот, если вы останетесь.

Я снова смеюсь, на этот раз тише, а он одаривает меня полноценной улыбкой, словно сам Адонис сияет своими жемчужными зубами. Только я собралась сказать что-нибудь кокетливое – Господи, надеюсь не подобострастно – как слышу свое имя, произнесенное, казалось, самым неприятным голосом на свете.

– Грэйс? – Это Лидия, которая подходит к нам, можно было бы сказать топая, если бы на ней не были надеты туфли на невероятно высоких каблуках. – Какого черта ты тут делаешь?

– Стэнфорд отправил меня принести еще стульев, – говорю заикаясь.

Лидия одаривает меня снисходительной улыбкой.

– Я не вижу в твоих руках никаких стульев.

Она поворачивается ко мне спиной:

– Мистер Сент-Клэр, мне очень жаль, надеюсь, она вам не докучала. Ох уж эти новые сотрудники. – Лидия кладет руку ему на плечо, и теперь уже она выдает подобострастно. – Мы знаем, какой вы занятой человек, и не хотели бы отвлекать вас тривиальными вопросами как... этот. – Она взмахивает рукой в мою сторону.

– О, нет, – говорит он. – Это была моя вина. Я задал ей вопрос о картине «Суд Париса» и получил исчерпывающий ответ. Я бы сказал, вы наняли хорошего сотрудника.

Мгновение Лидия просто моргает, переваривая слова.

– Хорошо. Замечательно. Это все, Грэйс.

Она разворачивает мистера Сент-Клэр к дверям, ведущим в центральный зал, а я начинаю отходить, пока меня и правда не уволили, но мистер Сент-Клэр произносит:

– Что ж, приятно познакомиться, Грэйс?..

– Беннет, – улыбаюсь, несмотря на злой взгляд Лидии.

– Чарльз, – говорит он и протягивает мне руку. Я вкладываю в нее свою – его рука мягкая, теплая, с четко отмеренным усилием сжимает мою – и давлюсь от вида Лидии, широко открывшей от удивления глаза, когда он целует кончики моих пальцев. Все мое тело охватывает трепет, и я надеюсь, он не заметит эффекта, который на меня оказывает. *О, пожалуйста, подгибающиеся коленки, не подведите меня на глазах у моего босса.*

– Еще увидимся, надеюсь, – говорит он, отпуская мою руку.

– Увидимся, – удается выговорить мне.

Лидия смотрит на меня:

– Стулья сами себя не отнесут.

Чарльз – такое идеально царственное имя – подмигивает мне, пока Лидия уводит его, а я стараюсь вспомнить, как двигаться, чтобы кровь вновь прилила к конечностям из других, более потаенных мест.

Стэнфорд спешит ко мне в панике:

– Где ты была?!

– Просто наслаждалась видом, – говорю я, глядя на скульптурную задницу удаляющегося Чарльза, на то, как мышцы его спины сужаются в талии.

Каково это – упасть в обморок? Потому что прямо сейчас я чувствую легкое головокружение.

– Стулья! Живее! – произносит Стэнфорд и буквально толкает меня обратно в действительность.

Похоже, обмороку придется подождать.

ГЛАВА 4

К восьми вечера белые стулья расставлены в главном зале в идеальные ряды, в холле установлены небольшие столики и бар, мягко льётся классическая музыка – как раз к началу приезда посетителей. Полагаю, сейчас модно приходить раньше времени, так же как в старые времена было модно опаздывать. Хотя откуда мне знать? Но факт в том, что на часах 8:01, а здесь уже полно народу.

Я несу поднос с канапе – инжир с козьим сыром, обёрнутый прошутто¹⁷; они настолько вкусные, что я закинула в рот уже три порции за последние десять минут – через толпу представителей гламурного общества: мужчин в костюмах и женщин в коктейльных платьях с дизайнерскими клатчами. Я ничего не ела с обеда, а вся еда пахнет божественно, отвлечься не помогает даже то, что ни одна из этих женщин с тонюсенькими талиями тоже ничего не ест, а мужчины больше заинтересованы в скотче.

– Канапе?

– Вообще-то мне не следует этого делать, – произносит большепузый пожилой мужчина в дорогом костюме, хватая последнюю порцию. – Не говорите моей жене, – подмигивает он. Его рука задевает мою задницу, когда я отхожу, но я заставляю себя продолжать идти. Если Лидия не впечатлилась моим общением с Чарльзом чуть раньше, она определённо не захочет, чтобы я пинала её дорогих гостей по яйцам.

Я протискиваюсь к задней части зала, чтобы заменить пустой поднос, и замечаю, как Лидия водит Челси по залу. Новый стажёр разодета в пух и прах: на ней мерцающее чёрное платье и высокие каблуки, на шее нитка настоящего жемчуга. Она уверенно улыбается, пока Лидия знакомит её с представителями бомонда в сфере искусств района Залива¹⁸.

С такими связями Челси будет в шоколаде – будто ей до этого чего-то не хватало – в то время как я сегодня незаметна в фартуке обслуги. Но, полагаю, если я не могу присоединиться к ним, то по крайней мере могу наблюдать, как на Рождество наблюдала с мамой за шопингом сквозь витрины магазинов на Юнион-Сквер¹⁹. Это было так красиво и весело – просто смотреть и видеть, какие удивительные вещи существовали в мире, даже если мы не могли их себе позволить. Я слежу, чтобы улыбка не покидала моего лица, пока кружу по помещению.

– Шампанского? – предлагаю бокалы паре, которая обсуждает предмет торгов, что будет демонстрироваться позже. Оба взяли по флуте²⁰, даже не взглянув на меня.

– Я слышала, ожидается, что цена дойдёт до миллиона, – сказала женщина.

– Мы не станем поднимать цену до такой высоты, – произнёс мужчина, потягивая свой напиток. – Я сойду на восемьсот пятьдесят.

Женщина дуется.

– Но ты не позволил мне купить этот браслет в тот день...

Миллион долларов... восемьсот пятьдесят тысяч... я не могу поверить, что они так обыденно говорят о такой огромной сумме денег.

Я украдкой заглянула в каталог сегодняшних торгов, который кто-то оставил на столике в холле. Охренеть можно. Нет ни одного полотна в списке, начальная ставка по которому была бы ниже трёхсот тысяч долларов. Начальная! Сегодня здесь выставались работы нескольких лучших европейских художников эпохи Ренессанса, некоторые из них раньше нельзя было даже приобрести, а я увижу их воочию. Может, не очень близко – ведь я подаю напитки – но все-таки я нахожусь рядом с творениями гениальности, истории, красоты. Впервые за этот вечер я на самом деле рада, что поставщик напутал!

Я делаю ещё один круг с шампанским, внимательно посматривая по сторонам в поисках

Чарльза. Не могу перестать прокручивать в голове наш кокетливый стёб и то, как он поцеловал мою руку, словно я была особой королевских кровей, а не просто скромным клерком.

Наконец-то замечаю его в другом конце зала, и мои надежды разбиваются. Он болтает с роскошной женщиной в чёрном брючном костюме от Версаче, её волосы зачёсаны назад в традиционный пучок, обвязанный ремешком с драгоценными камнями. Классика. Блин, надеюсь, это не его девушка. Но разве может у него не быть девушки? Красивый, обаятельный, богатый... подумай, вероятно, у него даже несколько подружек.

– Дамы и господа, – произносит мужчина, которого я не узнаю, и разговоры стихают, – пройдемте за мной, пожалуйста, мы готовы начать.

Я следую за ними к главному залу, всё ещё думая о лотах, выставленных сегодня на обозрение, и о том, каково это – иметь табличку и возможность потратить деньги. Каково это – быть в состоянии купить произведение искусства, предмет художественного наследия только потому, что оно мне понравилось? В каталоге не был указан Рубенс, но если бы у меня было пару миллионов, я приобрела бы именно его. Как бы восхитительно было, если б он висел в моей квартире!

Он будет отлично сочетаться с моим лоскутным одеялом из секонд-хенда и журнальным столиком из ИКЕА.

– Лучше б там было побольше клевой обнаженки!

Передо мной идет парень в кроссовках и толстовке. Я узнала в нём Эндрю Тейта – миллиардера в области технологий, у которого репутация полного засранца.

– Будь осторожен в своих желаниях, – говорит его друг. – На этих европейских картинах и скульптурах встречается много членов. Лично я не отказался бы от чего-то вообще без члена.

– Женщины частенько так говорят! – хохочет Эндрю над собственной шуткой, занимая с другом свои места. – А если серьёзно, на дисплее при демонстрации этих предметов никогда не показывают достаточно сисек. Покажите мне грудь, и я покажу вам деньги.

– Тебе надо припасти эти деньги для лота-сюрприза в конце торгов. Ходят слухи, что это настоящий шедевр, нечто уникальное и невероятное.

– Шедевр-медевр. Искусство – это просто деньги. Сколько он стоит?

– Дешевле, чем будет стоить через год, после того как люди его увидят.

– Ну, это даже лучше, чем сиськи, – сказал Эндрю.

Я должна сдержаться, чтобы не врезать ему. Парни вроде него ценят искусство лишь как инвестицию. Держу пари, он появляется на этих мероприятиях только для того, чтобы перебить ставки всех своих друзей, а после складировать картины где-то в подвале, пока его бухгалтер не говорит ему продать их. Это преступление.

– Добро пожаловать в «Кэррингс», – аукционист представляется и продолжает: – Это Аукционный дом с легендарной историей, и сегодня мы добавим к этому великому наследию наши последние работы.

На сцену выкатывают небольшую картину, а ее увеличенная версия демонстрируется на экране над сценой, чтобы каждый мог разглядеть поближе.

– Антонис ван Дейк,²¹ «Портрет юной девы». Начнём со ставки в сто тысяч долларов?

Я стою в конце аукционного зала, прижав к бедру пустой поднос, но даже отсюда чувствую огромный всплеск энергии в помещении. Люди шепчутся между собой и тянутся вперед со своих мест. Таблички взмывают вверх. Напряжение усиливается.

– Сто тысяч. Есть сто пятьдесят? – другая табличка. – Двести? – краткое затишье, а затем ещё одна круглая белая табличка с логотипом «Кэррингс» и ярко-красным номерком взмывает в воздух как ракета. Это так волнительно!

– Двести тысяч. Есть ли двести пятьдесят?

Это продолжается до тех пор, пока ставка не достигает восьмисот тысяч долларов. Я даже не могу представить, что могла бы сделать с такой суммой денег.

– Восемьсот тысяч, раз... два... продано! Номеру двести семнадцать.

Полотно выкатывают, а на сцену доставляют другой холст. Драматическим жестом с него снимают покрывало. На этот раз я смотрю на зал, а не на арт-сцену. Кажется, будто там разворачивается целое шоу, в котором каждый борется за своё. Люди, проигнорировавшие последний тур, неожиданно воспряли – можно сказать, каждый здесь для чего-то конкретного. Ставки всё растут и растут, таблички взлетают в воздух, пока последняя ставка не останавливается на полумиллионе. Дальше всё продолжается в таком же духе: за некоторые лоты разгораются целые войны со ставками, а другие уходят к покупателю, не вызвав конкуренции.

Голос аукциониста контролирует зал:

– Есть ли ставка один миллион?

Один миллион!

Я полностью погрузилась в происходящее. Это удивительно. У разных участников торгов, несомненно, и тактики тоже разные. Некоторые переживают, пока другие участники исчерпают свои возможности и подключаются к торгу в последнюю минуту. Другие сражаются изо всех сил, каждый раз повышая ставку лишь на десять тысяч и всё время переглядываясь с конкурентами.

– Один миллион сто тысяч? Есть желающие?

Эндрю, которого я про себя окрестила Засранец Эндрю, пока ни на что не ставил, но я могу с уверенностью сказать, что он любит выигрывать, во что бы то ни стало. Он будет эмоциональным участником торгов, как и множество женщин, которые в случае проигрыша своей ставки вздыхают и дуются.

– Один миллион триста тысяч раз...

Мой взгляд перемещается на Сент-Клэра, сидящего рядом со стойкой аукциониста со своей красивой подругой. Он – сдержанный участник торгов. Он вполсилы принял участие в ставках за парочку предметов Барокко, постоянно перешёптываясь со своей потрясающей приятельницей и между делом поднимая табличку, но, казалось, ни разу не был действительно заинтересован в приобретении какого-либо из этих предметов, чтобы пойти до конца. Слово он ждет Рубенса, будучи заинтересованным исключительно в нём.

– Продано! За один миллион триста тысяч номеру сто пять, – произносит аукционист в своей размеренной манере. – Замечательно. А теперь, дамы и господа, мы сделаем короткий перерыв. Пожалуйста, наслаждайтесь коктейлями и закусками, встретимся здесь через двадцать минут.

Тут же уровень шума повышается, и вновь начинает играть классическая музыка. Люди беседуют и смеются, просачиваясь в холл, и я спешу забрать очередной поднос. С белым вином.

– Шенен Блан две тысячи первого, Долина Напа, – информирует меня представитель кейтеринга, подгоняя к двери.

Следующие пятнадцать минут проходят как в тумане за повторением названия вина и попытками не разлить его по всему серебряному подносу. Я ищу глазами Сент-Клэра – может, поэтому постоянно норовлю разлить вино – но не вижу ни его, ни его сексуальной подружки/арт-консультанта. Интересно, какой у нее статус...?

– Это не Шардоне, верно? – спрашивает меня женщина с глубоким V-образным вырезом на платье, когда все лампочки вспыхивают.

– Нет, мэм. – Она принюхивается к своему бокалу и смотрит скептически, но мне не терпится поспешить назад на аукцион. Рубенс – последний лот, и я хочу увидеть его ещё раз. И увидеть Чарльза в действии – что он сделает, чтобы заполучить то, что хочет. – Это очень хороший год

для этого виноградики, – блефую я. – Лучше, чем две тысячи восьмой.

– Очень хорошо, – она берёт свой бокал и растворяется в потоке людей, направляющихся по своим местам для второй половины аукциона. Я следую за ними внутрь, но тут Стэнфорд неожиданно перехватывает мою руку. Разве нельзя просто позвать по имени, вместо того чтобы хватать меня?

– Не ты, – говорит он. Он тянет меня в холл, в то время как последние из участников торгов заходят в основной зал, и двери закрываются. – Ты поможешь тут прибраться.

Он протягивает мне метлу.

– Но нельзя ли мне подождать, пока закончится аукцион? – я даже не успела договорить, а он уже ушёл.

– Ладно, – говорю ему в спину. – Я подмету этот пол дочиستا.

Подметая, слышу сквозь двери эхо голоса аукциониста. Я не могу разобрать, что он говорит, но могу представить, что происходит внутри. Пробегают минуты, и я задумываюсь обо всех предметах искусства, которые демонстрируются на экране над сценой и на которые мне не удалось даже взглянуть. Интересно, они уже добрались до Рубенса?

Неожиданно двери распахиваются. Из-за них спешно появляется Сент-Клэр, телефон прижат к уху.

– Да, да, ладно, минуточку. – Он замечает, что я смотрю на него. Его синие глаза загораются. – Грэйс!

– Привет, – выдаю я, как идиотка.

– Окажи мне огромную услугу, – говорит он, запихивая мне в руки свою табличку. – Мне нужно, чтобы ты делала за меня ставки.

– Что?

– Лот пятьдесят два. Он уже скоро, но мне нужно ответить на звонок, – он поднимает телефон. – Экстренная ситуация в японском офисе. Я должен обсудить это с ними, но не могу потерять этот лот.

– Не уверена, что смогу...

Может, это сделает кто-то другой? Даже в качестве доверенного лица?

– Пожалуйста, мне нужно заполучить этого Рубенса.

Я чувствую, как мои ладошки вспотели.

– Я ничего не знаю о том, как ставить.

– Просто поднимай свою табличку, пока все остальные не перестанут. – Должно быть, я выгляжу как контуженная – ибо именно так я себя и чувствую – задумываясь о такой власти. – Серьёзно, – настаивает Чарльз, его тёмные глаза смертельно серьёзны. – Получи эту картину, чего бы это не стоило. Я рассчитываю на тебя. – Он бросается прочь, прикладывая трубку к уху и указывая мне в направлении аукционного зала.

Вы прикалываетесь? И что мне теперь делать? Я засунула метлу за кадку с пальмой и проскользнула в заднюю часть зала. Они уже на пятьдесят первом лоте – эскизе работы да Винчи – и торги замедляются. *Чёрт!*

– Продано! – выкрикивает аукционист. Он стал громче, а посетители – беспокойней. Толпа представителей светского общества уже гораздо пьяней, чем в ходе первой половины аукциона. Я слышу, как Засранец Эндрю, миллиардер Силиконовой долины, говорит своему другу:

– Оно следующим лотом, верно?

Тот кивает в ответ.

– Ни хрена себе!

– Дамы и господа, – произносит аукционист, когда на сцену выкатывают огромную картину, скрытую под пологом из чёрной ткани. В зале повисла тишина, и все вытянулись на своих местах, чтобы получше разглядеть. – Перед вами жемчужина сегодняшнего аукциона: полотно

«Суд Париса». – С картины сняли полог. Представшие взору танцующие богини во всем своём пышнотелом величии, драматическое пересечение света и тени – все это так же захватывает дух, как и раньше.

Весь зал шумно выдохнул.

Аукционист пускается в повествование об истории картины и её создателе:

– Пауль Рубенс был фламандским живописцем периода Барокко, который развил своё искусство на склоне лет, но имел самобытный стиль...

Воспользовавшись паузой, я проскальзываю в кресло Сент-Клэра. Соседнее место тоже пустует, его сексапильная консультант по искусству ушла. Моё сердце колотится, как и в нашу первую встречу, с той разницей, что мне не пришлось пробежать на каблуках десять кварталов.

– ... никогда прежде его знаменитые картины не продавались нигде в мире. Сейчас у вас есть исключительное право стать обладателем этого бесподобного произведения искусства. – Он берёт в руку свой молоточек. – Начнём торги с миллиона долларов?

Несколько десятков табличек взмыли в воздух, словно кто-то спросил у детей в детском саду, не хотят ли они кексы.

– Один миллион пятьсот тысяч?

Тот же лес из поднятых белых табличек.

– Есть два миллиона? – спрашивает аукционист, и я не знаю, что мне делать. Костяшки моих пальцев такие же белые, как табличка, в которую я в панике вцепилась намертво. Сент-Клэр сказал, что цена не имеет значения, что он просто должен заполучить картину. Но я не могу ставить такую сумму. Или могу?

– Два миллиона, есть ли два с четвертью?

Я смотрю по сторонам. Полдюжины табличек по-прежнему в воздухе, и, похоже, Засранец Эндрю Тейт среди них.

Чарльз говорил серьезно? Или играл в какую-то игру?

– Как насчёт двух с половиной миллионов? Два и пять, господа, за этот единственный в своём роде шедевр.

Две таблички. *О, Боже мой, могу ли я и впрямь это сделать?*

Аукционист делает вдох, и я чувствую, словно из моих лёгких уходит весь воздух. Он произносит:

– Два миллиона семьсот пятьдесят тысяч?

На этот раз в воздухе остаётся лишь табличка Эндрю, и аукционист говорит:

– Раз, два...

Я задерживаю дыхание и поднимаю вверх табличку.

– И мы поднимаем до трёх миллионов, господа, – радуется аукционист. – Кто предложит три миллиона?

Табличка Эндрю остаётся на месте, и мне ничего не остаётся, как перебивать его ставки. Они всё растут и растут, пока мы не доходим до четырёх миллионов... четырёх с половиной... пяти миллионов долларов.

Мне кажется, я сейчас упаду в обморок.

– Пять и восемь! – Эндрю продолжает держать табличку, размахивая ей, словно подаёт знаки семафора. Его лицо покраснело, и все в помещении шепчутся, как сумасшедшие.

Охренеть, неужели это правда?

– Есть ли шесть?

Я колеблюсь. Чарльз сказал, сколько бы не стоило, но речь идёт о шести миллионах долларов. Он хоть предполагал, что ставки поднимутся так высоко?

– Раз...

Эндрю ухмыляется мне, и я припоминаю, что ему было плевать на искусство, что он хотел лишь «побольше сисек».

– Ставка пять и восемь десятых миллиона, два...

Последний шанс. Я вскакиваю на ноги.

– Шесть миллионов, – объявляю я дрожащим голосом.

Все смолкают. Даже аукционист выглядит удивлённым. Но он берёт себя в руки и с кратким кивком произносит:

– Шесть миллионов раз...

Эндрю бросает взгляд на своего друга, вскинув брови.

– Шесть миллионов два...

Друг Эндрю качает головой, а следом за ним и Эндрю качает головой аукционисту.

– Продано! За шесть миллионов долларов. – Аукционист стучит своим молоточком, и зал аплодирует. Моё сердце колотится в ушах, а тело охватывает предобморочное состояние. Я только что перебила у Эндрю Тейта подлинное полотно Рубенса за долбанных шесть миллионов долларов. А Чарльз нигде не видно.

Ты что, блин, издеваешься надо мной?

Я рада, что на мне надето чёрное, никто не заметит, какая я потная и нервная. Обессиленная, я хочу утонуть в своём кресле, но люди хлопают и смеются. Я чувствую, как в воздухе висит вопрос: кто эта девушка?

– На этом программа нашего сегодняшнего вечера завершена.

Голос аукциониста тонет в какофонии разговоров в зале.

– Беннет! – один голос прорезается сквозь шум. Я съёживаюсь. – Грэйс Беннет!

Лидия в ярости и как ураган несётся ко мне сквозь толпу.

– Какого чёрта ты вытворяешь? – шипит она.

– Это не моя табличка, – заикаюсь я, и моё лицо вспыхивает. – Я...

– Это не игра, юная леди, – она вне себя от злости. – Если ты думаешь, что можешь просто заявиться сюда и опорочить эту компанию...

– Ты её заполучила? – Сент-Клэр появился у моего локтя.

Лидия останавливается.

– Что?

Киваю, затем с усилием сглатываю.

– За шесть миллионов. Это, эмм, хорошо?

Я вся подобралась, но лицо Сент-Клэра озаряется мальчишеской улыбкой, и он практически вопит:

– Да! – он смеётся и неожиданно подхватывает меня, начиная кружить. – Не могу поверить, что ты это сделала! Я был уверен, что Тейт собирается перебить мою ставку на этом лоте.

– Он почти это сделал, – признаюсь я, а мой пульс растёт от разливающегося по телу чувства облегчения. – Но я вступила в последний момент, и он отступил.

Сент-Клэр смеётся и ставит меня на пол.

– Боже, хотел бы я посмотреть на его лицо в тот момент.

– Вы можете посмотреть сейчас, – я улыбнулась, указывая на другой конец зала. Тейт, нахмурившись, направлялся к выходу.

– Нужно брать тебя с собой на все аукционы, – усмехается Чарльз, всё ещё прижимая меня. – Ты – мой счастливый талисман.

Моя голова кружилась от его прикосновений, от его близости, от счастья в его глазах.

– Я просто сделала то, что вы мне велели.

– Что он сказал тебе сделать? – спросила Лидия, её лицо озаряется пониманием

происходящего. Она поворачивается к Сент-Клэру. – Вы попросили её участвовать в торгах вместо вас?

– Да, и она великолепно справилась, – он сжимает мою руку, и я чувствую, как вверх по руке бегут мурашки. – Спасибо.

Лидия игнорирует меня.

– Престижное приобретение, мистер Сент-Клэр, – говорит она, и ещё несколько человек окружают нас, чтобы тоже поздравить его, тем самым оттеснив меня в сторону.

Белые лилии в вазах начали немного сникать, стулья больше не стоят ровными рядами. Группа людей, столпившихся вокруг Чарльза, взрывается хохотом, но он не смотрит в мою сторону. Я не хочу задерживаться здесь, на краю толпы, так что направляюсь назад в холл. Это была самая длинная из всех рабочих смен в моей жизни, и я готова отправиться домой.

Я иду по мраморному полу в сторону выхода, когда кто-то похлопывает меня по плечу.

– Опять пытаешься сбежать от меня? – низким голосом произносит Чарльз, его британский акцент чётко выражен. Он скользит пальцем вниз по моей руке и слегка поворачивает меня лицом к себе. – Ты должна позволить мне как следует поблагодарить тебя за сегодняшний вечер.

Я улыбаюсь, думая о способах, которыми его великолепное тело может меня отблагодарить, и надеюсь, что на моём лице не отразятся эти мысли. Или, может, надеюсь, что они чуток отразятся.

– Что вы имеете в виду?

– Ужин? Завтра вечером?

Мне хочется спросить, не свидание ли это, или и впрямь лишь благодарность, но осознаю, что на нас смотрят – красавец коллекционер произведений искусства и неловкая ничтожная девчонка в не-брендовом платье.

– Конечно, – говорю я. – Обязательно.

Он отбрасывает со лба прядь тёмных волос и сияет.

– Отлично. В восемь вечера. Ресторан «Хаккасан»²² на Юнион-Сквер. – Я киваю, и он целует меня в щёку. Даже когда он уже отстранился, я всё ещё ощущаю это прикосновение. – Тогда увидимся, – говорит он и уходит, в то время как я застыла на месте и стараюсь отдышаться.

Мистер Красавчик Чарльз Сент-Клэр действительно только что пригласил меня на свидание?

ГЛАВА 5

На следующее утро я просыпаюсь со смутным ощущением, будто произошедшие вчера события были отчасти плодом моего воображения. Я сделала ставку в шесть миллионов долларов, смогла вблизи увидеть гениальное творение Рубенса, показала своему новому боссу, из чего слеплена (и при этом чудом не была уволена) и в завершение меня пригласил на свидание самый красивый и обаятельный мужчина, из когда-либо встречавшихся мне. Я помню, как меня обдало жаром, когда он взял меня за руки, как потрескивало электричество между нами...

Мой телефон пискнул, пришло сообщение от Пейдж:

«Где ты, любимка?»

Я приподняла голову и глянула на часы. Почти десять – время нашего еженедельного трепка по скайпу.

«Не выпрыгивай из штанов», – пишу ответ.

Пейдж пробуждает мою отвязную сторону, так как это часть ее натуры. Она также чертовски умна и гораздо уверенней в себе, чем я – какой обычно и бывает клевая подруга. Но она всегда поддерживала меня и мое искусство, даже когда я бросила учебу и оставила ее одну в Тафтсе в конце первого курса. Прощаясь, мы ревели, давая клятву оставаться навсегда друзьями, и мы продолжали тесно общаться все эти годы.

Я открываю ноутбук, нажимаю на прыгающую иконку, и на моем экране появляется сияющее лицо Пейдж. Ее волосы все еще мокрые, а на лице косметическая маска: в Лондоне вечер и она готовится выйти потусить.

– Хаюшки тебе, – говорит она. – Расскажи мне все о твоей гламурной новой работе!

– О, да, подметать пол – это так гламурно.

– Постой, – она хмурится. – Твоя фантастическая стажировка – это изображать Золушку?

– Ах, верно, ты же еще не знаешь, – говорю я и объясняю все о произошедшей путанице: что фактически меня наняли на работу клерком/дворником/официанткой-подавальщицей/обслуживанием.

– Мне жаль, Грэйс, – говорит Пейдж. – Знаю, как сильно ты хотела попасть на эту стажировку.

– Это возможность зацепиться, – говорю я. – И я могу находиться рядом с восхитительными произведениями искусства.

Она многозначительно кивает.

– Да, черт возьми, – говорит она. – И ты надерешь им задницы и покажешь этим сучкам, кто тут босс.

Я смеюсь, зная, что она говорит серьезно и что ей бы не составило труда надрать кому-то задницу. Пейдж не колебалась бы ни секунды.

– Я видела Рубенса вблизи.

Она ахает:

– Первый показ «Суда Париса»?

Пейдж работает в страховой компании оценщиком произведений искусства и антиквариата. Конечно же она знала о прибытии такого ценного шедевра.

Я киваю.

– Прежде чем его выкатили на сцену, когда я пошла за стульями. Я видела его достаточно близко, чтобы различить мазки, – я вздохнула, вспоминая. – Это было невероятно.

– Я слышала, Чарльз Сент-Клэр выиграл торги за шесть миллионов.

– Ого, – говорю я с удивлением. – В мире искусства новости быстро распространяются.

Пейдж пожимает плечами, дотрагиваясь до своей маски.

– Сент-Клэр является кем-то вроде знаменитости в мире искусства. Мой босс сказал, что его коллекция застрахована вроде как на сотни миллионов. У этого парня настоящий музей. И он

– А чувствуется совершенно не так. Те люди, с которыми я работаю, оказались кошмарными. Я впрямь просто хочу показать им, что могу быть этого достойна, – произношу я, желая, чтобы

мама была сейчас рядом.

– Замолчи. Ты уже стоишь гораздо больше, чем все эти баловни трастовых фондов с их спортивными машинами и осыпанными бриллиантами пеналами для губной помады. Не забывай об этом. И если Сент-Клэр не поймет этого тоже, то ебала я его миллиардерскую задницу.

Я взрываюсь хохотом.

– Мне так повезло с тобой, – говорю я.

– Об этом тоже не забывай, – сияет она. – Когда будешь известной художницей и мир настойчиво будет требовать твоего внимания, включая всех достойных горячих парней, просто помни, кто прикрывал тебе когда-то тылы.

– Какая-то девушка по имени Пенни...? Полли?

– Ха, – говорит она и показывает язык.

Мой телефон вибрирует от сигнала будильника.

– Прости, детка, мне надо пойти подготовиться к моей смене в закусочной, – говорю я. – А ведь мы даже не поговорили о тебе!

– Эх, здесь ничего нового, – она пожимает плечами. – Лондон-шмондон. Здесь не перестает лить дождь, мои волосы уже молят о пощаде. Поговорим на следующей неделе?

– Угу.

– И сфотографируй задницу Сент-Клэра, когда вновь его увидишь, – требует она. – Помни, никакого секса без презерватива!

Она все еще посылает поцелуйчики на экране, когда я отключаюсь.

Внизу, в закусочной, дочь Джованни и Ноны, Кармелла, надежно руководит всем железной рукой. Я сегодня занимаюсь регистрацией: принимаю заказы и пишу заявки для изготовителей сэндвичей, но не могу перестать думать о Сент-Клэре. О Чарльзе. Даже его имя звучит горячо. Почему британцы никогда не бывают Чарли? Мне плевать, как он себя называет – если он позвонит мне, я бы хотела слушать его весь день.

– Не желаете майонез и горчицу? – спрашиваю у стоящей передо мной леди, которая заказала индейку с авокадо на пшеничном хлебе.

– Лишь слегка майонеза, – произносит женщина, а я думаю о руках Чарльза на моих, его губах на моей щеке. Раньше я никогда не встречала таких, как он. Уверенный, но не зазнающийся, вежливый, обаятельный, но вместе с тем настоящий.

– С вас десять пятьдесят, – говорю я. Чарльз доверил мне *миллионы* своих долларов. Поступил бы он так с кем попало?

– Следующий!

Подходит молодая пара, повиснув друг на друге. Его рука в ее заднем кармане, а она уткнулась носом в его грудь.

Хочу, чтобы Чарльз хотел меня вот так же.

– Что я могу вам предложить? – говорю я, пытаюсь оттолкнуть мысли о нем. Какого черта со мной происходит? Я никогда раньше не чувствовала такого по отношению к мужчине, никогда не томилась от желания быть вот так с кем-то рядом.

– ...и дополнительными солеными огурцами.

– Простите, что? – переспрашиваю я в растерянности. Похоже, я отключилась от реальности.

– Грэйс? Земля вызывает Грэйс? – Кармелла щелкает пальцами перед моим лицом. – Ты заболела или что? Ты сама не своя сегодня.

– Прости, Кармелла. Мне пришлось работать допоздна прошлой ночью. Я немного не в себе.

– Сделай перерыв, – сказала она, толкая меня в сторону и занимая мое место, чтобы помочь следующему клиенту, как винтик в ее собственном хорошо смазанном механизме.

Я вышла на улицу и присела на одну из скамеек перед закусочной. До меня доносится запах океана, смешанный с готовящимся на кухне маринара, а дневной свет позднего дня просачивается через низкие облака, проплывающие мимо, как листья в полноводной реке. Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, ослабляя напряжение в плечах.

– Ты слишком симпатичная, чтобы всегда быть такой напряженной, куколка, – кузен Эдди выходит из двери ресторана, расположенного рядом.

– Ты следишь за мной или что? – спрашиваю устало.

– Я живу, чтобы развеять все твои проблемы, – говорит он, настолько широко улыбаясь, что видны его серебряные коренные зубы. – Пойдем прогуляемся вечером вместе. Мы потанцуем, выпьем, повеселимся.

– Нет, спасибо.

– Ну же, пошли, – говорит он, садясь рядом со мной. Запах его одеколона очень резкий. – Назови хоть одну существенную причину, почему нет.

– У меня есть планы на сегодняшний вечер, – говорю я, с облегчением вздыхая, что хоть раз у меня есть реальный повод для отказа.

Он прищурился в недоумении:

– Какие планы? Типа свидание?

– Да, свидание, – говорю я. – В это так трудно поверить?

– У тебя свидание! – взвизгнула Нона достаточно громко, чтобы услышали все соседи. – О, слава Богу, – говорит она, выходя из ресторана «У Джованни», чтобы обнять меня. – Мы уже начинали беспокоиться за тебя.

Фред высовывает голову из-за двери.

– У Грэйс свидание? – говорит он. – С кем?

Уверена, мое лицо покраснело – я так смущена. Жаль, я не могу сжаться в маленький комочек и избежать их вопросов.

– Так кто этот молодой ухажер? – спрашивает Нона. Она слегка толкает меня локтем: – Он красивый?

– Конечно красивый, мама, – говорит Кармелла с порога закусочной. Они с Фредом – прямо два сапога – пара. – Ведь наша Грэйси – красотка?

– Не может быть, что он сексуальнее меня, – говорит кузен Эдди, выпячивая грудь.

– Кто он? – снова спрашивает Нона, сияя.

Не знаю, что сказать. Я не особо часто ходила на свидания – всегда была слишком занята учебой, чтобы серьезно завести бойфренда, а потом, когда заболела мама, свидания фактически не были таким уж приоритетом.

– Скажи нам, – снова призывает Нона. – Позволь старой женщине немного порадоваться за тебя.

Я улыбаюсь:

– Ладно, ладно. Это парень, с которым я познакомилась благодаря этой арт-работе.

– Представляю себе, – говорит Кармелла, в то время как Фред вопрошает:

– Он обеспеченный?

Я колеблюсь, не желая пока говорить слишком много. Я понятия не имею, как пойдут дела с Сент-Клэром.

– Не гоните коней! Народ, это может быть просто одноразовое свидание.

Фред смеется своим раскатистым, объёмным смехом:

– Так, это значит «да».

Нона кладет руку на мое предплечье:

– Он тебе нравится?

Я смотрю вниз на землю, чтобы они не могли понять, насколько сильно.

– Да, – говорю я. – Но я беспокоюсь о сегодняшнем вечере. Думаю, он отведет меня в какое-нибудь фантастическое место, но мне нечего надеть.

– И это все? – вскрикивает Нона. – У меня есть подходящий наряд. Пошли.

Она берет меня под локоть и ведет в сторону своей квартиры ниже по кварталу.

– Но моя смена... – протестую я.

Нона с нетерпением выдает:

– Кармелла это уладит, не так ли? Все остальные, возвращайтесь к работе!

Ее короткие семидесятилетние ноги на удивление быстры, и вскоре мы оказываемся в большой, светлой квартире семейства ди Фиоре, занимающей два этажа, которую они купили еще в те времена, когда Норс-Бич был всего лишь захудалым районом иммигрантов, а не фешенебельным местом, как сейчас. Они могли бы получить миллионы, если бы продали ее, но Нона не желала об этом слышать – это ее дом.

– Этот сундук принадлежал моей матери, – говорит она, выуживая его из шкафа. Ему, похоже, столько же лет, сколько ей. – Она умерла молодой, как и твоя. Бедняжки. – Нона открывает крышку и благоговейно достает платье, убранный в полиэтиленовый чехол, наподобие тех, что используют при сухой химчистке. – Это был подарок от нее на мой двадцать пятый день рождения. Я была в новой стране, с новым мужем и почти не знала языка. Идя по улице, я чувствовала, будто каждый мог сказать, что я была просто девчонкой из маленькой деревеньки в сельской местности. Но это платье... это платье заставило меня чувствовать, что я «своя» и уместна тут.

Я задерживаю дыхание, пока она расстегивает змейку на чехле и торжественно достает содержимое: неподдающееся влиянию времени темно-синее платье из плотной роскошной ткани с детальной обстрочкой.

Я чуть не ахнула:

– Оно такое красивое.

– Гуччи, – говорит она. – Конечно же, еще с тех времен, когда никто не знал, кто это. Моя мама купила мне его в самом модном магазине в Риме. Она сказала, что мне нужно самое лучшее для моей новой жизни в Америке. Оно идеально пойдет твоей стройной фигуре. – Она протягивает его мне. – Немного коротковато для твоих длинных ног, но, думаю, ты запросто можешь хвастаться такими ножками.

– Я не могу... – я замолкаю. Оно такое прекрасное и так много значит для нее. – Оно ваше.

– Почему нет? – Нона смеется и гладит себя по животу. – Как будто я буду носить его в ближайшее время. Слишком много пасты. Для моей Кармеллы тоже уже слишком поздно. Но ты... тебе еще нужно такое платье, как это.

– Вы уверены? – спрашиваю я, в моих глазах стоят слезы.

– Ты же сказала, что он красавчик, верно? – Она копается в сундуке и достает пару темных туфель на высоком каблуке, которые ставит на пол, после чего подходит к своей шкатулке с драгоценностями и передает мне жемчужную брошь и жемчужные серьги: – Ты будешь выглядеть идеально.

Она приподнимает ворох моих волос к макушке.

– Надень это, – говорит она. – Позволь, я помогу.

Я позволила Ноне меня одеть. С поясом платье сидит как перчатка и действительно подчеркивает фигуру, которую я унаследовала от мамы.

Нона делает мне макияж перед своим старинным трюмо, уделяя особое внимание моим глазам.

– Твоя мама бы гордилась тобой – тем, как ты следуешь за своими мечтами вроде этой.

Слезы вновь навернулись, и я стараюсь сдержать их, чтобы не испортить плоды тяжких трудов Ноны – стрелочки на моих глазах.

– Спасибо, – удастся мне сказать.

– С каждым днем ты все больше и больше становишься на нее похожа, – говорит Нона, и мое сердце наполняется горько-сладкой радостью.

– Хотела бы я, чтобы она увидела это, – говорю я с комом в горле.

– Она видит, – говорит она уверенно. – А теперь открой глаза.

Я открываю глаза и вижу... себя, но ту версию себя, которой, как я думала, никогда не смогу быть. Гламурной, но элегантной, именно такой, какой была моя мама:

– Вау.

Мои волосы собраны в объемный пучок с обрамляющими лицо свободными завитками, мой макияж сделан со вкусом, а темная подводка подчеркивает ореховый цвет моих глаз.

– Я выгляжу как Одри Хепберн, – говорю я.

– Ты просто красавица, – сияет Нона. – Прямо как твоя мама.

– Когда она шла на одну из своих арт-вечеринок в городе, – говорю я, вспоминая, как наблюдала за ее приготовлениями, когда она завивала волосы, выбирала платье и туфли.

– У нее тоже всегда были красивые ухажеры, – говорит Нона и подмигивает мне.

– Спасибо, Нона. Вы моя фея-крестная, – говорю я и обнимаю ее. – И не только сегодня. – Я целую ее в макушку. – Ваша мама тоже гордится вами.

– Ты милая девочка, – говорит она и крепче сжимает меня. – А этому мужчине лучше не пытаться шалить, или я сверну его в бараний рог, прямо как ньюки.²³

ГЛАВА 6

Я добралась до «Хаккасан» к без десяти восемь. Не хочу появиться слишком рано, на случай, если он пришел пораньше, чтобы не подумал, что я в отчаянии – поэтому жду снаружи. Но потом я решаю, что если он еще не пришел и, приехав сейчас, увидит, как я праздно стою снаружи, то подумает, что я странная. *Соберись, Грэйс!* Мои руки дрожат, а в животе порхают бабочки. Я совершенно не подкована для такого. Когда вообще я была на свидании в последний раз?

Вечера в Сан-Франциско всегда самое холодное время суток – океанский бриз приносит с собой туман и тяжелый морской воздух. Покупатели с Юнион-Сквер спешат, держа в руках пакеты с логотипами «Ньюман Маркус» и «Прада», туристы фотографируются на площади. У меня нет жакета или еще чего-то, что подошло бы к винтажному платью Ноны, поэтому мои руки оголены и мне зябко.

Захожу внутрь и поднимаюсь на лифте до верхнего этажа. Двери открываются, и я будто переносусь в другую вселенную. Из синих панелей в стенах, покрытых металлическими пластинами – вырезанными в восточном стиле, наподобие трафаретов – льется голубой свет, создающий соответствующее настроение. Эффект потрясающий.

– Чем могу помочь? – На распорядителе маленькая шапочка на полголовы. Она без улыбки осматривает меня с головы до ног. – У вас заказан столик?

– Сент-Клэр? – спрашиваю я, и поведение распорядителя сразу же меняется.

– О, конечно! – она широко улыбается. – Проходите сюда, пожалуйста, смотрите под ноги.

Она усаживает меня за столик у окна с шикарным видом на мерцающие огни Сан-Франциско. Передо мной раскинулись многослойные тени городского пейзажа и темнота залива вдалеке. Такое чувство, будто я на вершине мира. Не проходит и двух секунд, как официант спрашивает, не желаю ли я коктейль. Я выбираю наугад из длинного списка на столе, и он поспешно уходит.

Я откинулась на стуле, думая о том, как приятно не быть тем, кому надо бежать на кухню и нести напитки. Хотя работать в этом ресторане было бы великолепно. Повсюду вокруг меня голубая подсветка, создающая соответствующее настроение. Темно-коричневые дубовые брусья украшают потолок, а толстые деревянные столы выглядят как плиты нарезанного на дольки ствола секвойи. Кожаные сиденья, мягкие подушки. Приглушенный свет и свечи на столе завершают общий вид – классический и романтический.

– Ваш напиток, – говорит официант. – Могу я принести вам чего-нибудь еще, пока вы ожидаете вашего спутника?

– Нет, спасибо, – отвечаю я, впечатленная всем этим вниманием, которое получаю только потому, что использовала имя Сент-Клэра, однако стоило ему отойти, как я поняла, что ничего не ела с позднего завтрака. Мимо проносят красиво оформленные подносы с едой: пельмешки в красных, оранжевых и белых цветах, тарелки приготовленных вареных овощей с соусом и шариками из теста и хрустящие жареные конвертики из сдобы, наполненные божественно пахнущими начинками...

– Прости, что опоздал, – говорит Сент-Клэр, внезапно появляясь рядом со мной. Я подскакиваю с места, в то время как он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Простите! – бормочу я, врезавшись в него.

Он улыбается:

– Давай-ка попробуем еще раз?

Положив свою руку на мою, он наклоняется и целует меня в щеку. На тот раз я не двигаюсь, смакуя ощущение от его губ, легко касающихся моей кожи.

– Надеюсь, ты не слишком голодна, – говорит он, направляясь к стулу напротив. Я плюхаюсь

на свое место, мое сердце вдруг начинает колотиться.

– Я в порядке, – говорю я, а мой желудок в этот момент урчит. Я сгораю от стыда, но он смеется, показывая ямочки на щеках.

У него еще и ямочки есть?

– Давай посмотрим.

Ему достаточно было лишь взглянуть, и вот уже два официанта спешат к нашему столику.

– Мы бы хотели блюдо от шефа – он знает, что я люблю – и я буду тот же фруктовый напиток, что и у моей спутницы.

– Очень хорошо, сэр, – говорит официант и уходит.

Сент-Клэр поворачивается и устремляет на меня свой взгляд – одна его бровь слегка приподнята, а уголок рта чуть игриво изогнут в намеке на улыбку, которая готова озарить его лицо.

– Итак, Грэйс. – Его синие глаза пронзительны. – Теперь у нас появилась возможность узнать друг друга... кто ты?

Мой разум отключается:

– Эм, ну, кроме того, что я работаю в «Кэррингера», еще я официантка и студентка по специальности «Искусство».

– Где ты учишься?

– О, ну, я выпустилась в прошлом году из... эм, со степенью по искусству.

Я останавливаюсь, прежде чем рассказать ему о моем менее чем показательном образовании. Я все еще помню, как Лидия усмехнулась, так что я предпочла сменить тему:

– А что на счет тебя?

– Я учился в Оксфорде и Гарварде, финансы, – произносит он обыденно. – Но я всегда больше ценил свой жизненный опыт.

Я киваю, не в силах заставить свой рот двигаться. *Что со мной не так?! Я делаю глоток своего напитка, а он поглядывает в окно. Скажи что-нибудь!*

– На улице довольно мило, – умудряюсь я произнести и понимаю, что говорю как четырехлетний ребенок.

– Ты выросла в городе? – спрашивает он.

– Ист-Бэй, – удается мне ответить. – Оклэнд. Район был немного на отшибе, но мама всегда говорила, что от этого все намного интереснее. Там было много разных направлений искусства и культуры...

– Чарльз Сент-Клэр? – Рядом с нашим столиком стоит красивая женщина в сверкающем платье для коктейля, возвышаясь над нами на десятисантиметровых каблуках.

Он выглядит удивленным:

– Мы встречались?

– Нет, я просто захотела подойти и поздороваться, – тараторит она. – Вы так умны, а ваш очерк в журнале «Ньюсуик» был такой познавательный.

Ее лицо кажется знакомым, и я пытаюсь припомнить кто она.

– Спасибо, – Сент-Клэр вежлив. – Очень мило с вашей стороны сказать такое.

Женщина одаряет его натренированной сексуальной полуулыбкой и протягивает руку:

– Лори Слоун.

Серьезно? Я смотрю на нее в недоумении. Теперь я ее узнала, она известная голливудская актриса. Я видела ее только в журналах со сплетнями, но вот она стоит и смотрит на Сент-Клэра так, словно хочет съесть его целиком. Она довольно долго удерживает его руку, прежде чем отпустить.

– Это моя подруга, Грэйс, – говорит Сент-Клэр, жестом указывая на меня. Я фальшиво

улыбаюсь, стараясь не обращать внимание на то, как меня кольнуло подобранное им слово. Конечно, мы друзья. Как еще ему меня представить?

Лори взглянула на меня лишь на долю секунды.

– Вы должны приехать ко мне в гости в Лос-Анджелес в следующем месяце. – Она хлопает ресницами и кладет руку поверх его. – Мы можем расслабляться у бассейна весь день и пить всю ночь напролет.

Она хихикает и наклоняется так, чтобы он наверняка увидел ее декольте.

– У меня довольно плотный график, – говорит он.

– Ох, вы всегда найдете время. Безусловно, это будет сказочно! – Она перекидывает свои длинные светлые волосы и сжимает Чарльза за бицепс. – Увидимся... скоро.

Она подмигивает и уходит, а я ошарашена. Десятифутровая богиня старлеток только что вошла в мое свидание.

– Мне так жаль, – извиняется он, невесело глядя на меня, как только Лори оказывается вне пределов слышимости.

– Все нормально, – вру я, но теперь действительно чувствую себя не в своей лиге. – Уверена, такое с тобой постоянно происходит.

– Возможно, мы должны были пойти в более тихое место, – он перестилает свою салфетку, похоже ему неловко.

– Куда бы мы ни пошли, везде будет так же, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал легко. – Я имею в виду, конечно же люди тебя везде узнают.

– В отличие от тебя, – отмечает он с дразнящей ухмылкой.

Я краснею.

– Другие люди гораздо более сведущи, чем я, – говорю я.

– Что ж, – говорит он, откинувшись на спинку. – Я хочу знать о тебе больше.

Его ясные синие глаза такие честные, что я почти верю, что это не шаблонная фраза при знакомстве, из тех что он применял раньше.

Еда прибывает в вихре десятка подносов, бамбуковых корзиночек и тарелок всех форм и размеров, пока наш стол не оказывается накрыт таким количеством блюд, что можно накормить небольшую армию. Мой рот наполняется слюной, а живот снова урчит так громко, что Чарльз смеется и я с уверенностью могу сказать, что это его настоящий, беспечный смех, и в моем мозгу срабатывает переключатель. Ну и что из того, что я не голливудская звезда, но именно *меня* он пригласил на свидание. Довольно неуверенности, мне нужно расслабиться и начать наслаждаться вечером.

– Все выглядит потрясающе, – я счастливо вздыхаю.

– Приступай! – говорит он, берясь за паровую корзину, полную пельмешек. – Шу май²⁴ здесь неземные.

Так и было. Словно маленькие подушечки наслаждения из свинины – солоноватые, пикантные и очень вкусные. Все блюда невероятные. Я проглотила пышную булочку со свининой, несколько видов пельменей и немного жареной лапши, прежде чем осознала, что веду себя не очень подобающе леди.

– Прости, – хихикаю я, останавливая палочки на полпути ко рту. – Похоже, я голоднее, чем думала.

– Не извиняйся за то, что получаешь удовольствие, – улыбается он, во всю работая своими палочками в тарелке. – Приятно видеть женщину, которая ест еду, вместо того чтобы гонять ее по тарелке.

Я смеюсь.

– Ну, я уверена, что те женщины выглядят лучше, чем я.

– Ты прекрасно выглядишь, – говорит он, и выражение его глаз мне подсказывает, что это не просто дежурный комплимент.

Я краснею. *Ты тоже*. Я делаю глоток воды, чтобы успокоиться.

– Так ты бизнес магнат?

Сент-Клэр смеется:

– Можно сказать и так. Я управляю компанией, предоставляющей финансовые услуги, которую основал мой отец – банковские услуги высокого уровня, по сути. Но я вывел фирму на глобальный уровень, нанял несколько более умных, чем я, людей, и сейчас бизнес в основном крутится самостоятельно.

– Я в этом сомневаюсь, – улыбаюсь я. – Ты просто скромничаешь.

Он посмеивается:

– Это срабатывает?

– Хммм, – я притворяюсь, что задумалась. – Поживем увидим.

– А что насчет тебя? – спрашивает Сент-Клэр. – Что в первую очередь заставило тебя полюбить искусство?

– Моя мама была художницей, – отвечаю я, улыбаясь. – Она все время брала меня в город в музеи и галереи. Это она научила меня рисовать.

Сент-Клэр приподнимает бровь:

– Так ты тоже художница.

– Нет, – говорю я быстро. – Просто для удовольствия. Я не так талантлива, как моя мама. Я люблю смотреть на шедевры вблизи. Тот Рубенс вчера...

Я затихла, задумавшись о красоте полотна.

– Не могу не согласиться, – говорит он. – Он будет в моей постоянной коллекции. Еще раз спасибо, – добавляет он. – Я рад, что ты не позволила ему уйти!

– Я все еще не могу поверить, что сделала такую высокую ставку! – качаю я головой.

– У меня было предчувствие на твой счет, – улыбается Сент-Клэр. – Я знал, что ты справишься.

– Я слышала, как другой претендент говорил, что он просто был заинтересован в произведении искусства лишь из-за его инвестиционной ценности, – признаюсь я. – Ему было плевать на само творение. Казалось, будет ошибкой позволить ему забрать картину.

– Эндрю Тейт?

Я киваю. Лицо Сент-Клэра искажает гримаса:

– Обычно я не из тех, кто плохо говорит о ком-то, но этот парень засранец.

Я смеюсь:

– Весь вечер я называла его про себя – Засранец Эндрю.

Чарльз смеется.

– Я говорил ему это в лицо много раз. Он всегда старается перебить мою цену на аукционах. Мне довелось увидеть коллекцию Рубенса в Париже несколько лет назад, – добавил он. – Вообще-то это была целая выставка, посвященная периоду Барокко. Тебе бы она понравилась.

– Не заставляй меня падать в обморок, – говорю я, и он снова смеется искренним смехом, наполненным такой милой и невинной радостью, что заражает весельем и меня.

– Я хотела бы поехать в Париж.

– Ты не была?

Я качаю головой:

– Я нигде не была. Планировала учиться в колледже за границей, но... не вышло. Я никогда не выезжала из страны.

Я замолкаю, гадая, не кажусь ли от этого простушкой, но Сент-Клэр все еще выглядит заинтересованным.

– Куда бы ты отправилась, если бы у тебя была такая возможность?

– Куда? – я смеюсь. – Италия, Испания, Греция... просто при мысли об искусстве. Картины эпохи Возрождения и классическая скульптура...

– Настоящая романтика, – говорит он, и вдруг гаснет свет, погружая помещение в насыщенные синие тени.

Я прищурила глаза:

– Ты это спланировал?

Он улыбается, на его скульптурных щеках появляются ямочки:

– Ты никогда не узнаешь.

– Человек-загадка, – говорю я, надеясь, что это не будет правдой слишком долго. Это весело – шутить и разговаривать об искусстве с кем-то еще, кого оно волнует так же, как меня. Теперь, расслабившись, я понимаю, что не смеялась так много уже несколько лет.

– Что случилось с твоими планами? – спрашивает он, потягивая свой напиток. – Ты сказала, что собиралась путешествовать. Что изменилось? Если ты не против, что я спрашиваю, – добавляет он.

Я медлю, раздумывая.

– Моя мама заболела, – наконец говорю ему. – Я бросила колледж и вернулась домой, чтобы заботиться о ней.

– Это поразительное самопожертвование, – говорит он, потянувшись через стол и взяв меня за руку. Тяжесть его руки утешает, несмотря на то, что от его прикосновения по всей моей коже пробегают электрические импульсы.

Я пожимаю плечами от неловкости.

– Я не могла по-другому. Ты бы сделал то же самое для своих родителей.

Сент-Клэр криво улыбается:

– Возможно. Ты, должно быть, очень сильно ее любишь.

Мое сердце болит.

– Она не выжила, – тихо признаюсь я. – Она умерла в прошлом году.

Чарльз замолчал на мгновение, сжимая мою руку.

– Мне так жаль. Я потерял брата, когда мне было шестнадцать, – говорит он мягко. – Знаю, это звучит банально, но я понимаю, как трудно проходить через нечто подобное. Если тебе когда-нибудь нужно будет с кем-то поговорить... – Он смотрит на меня открыто, словно мы разделили что-то очень личное, только между нами двумя. – Я буду рядом, если тебе понадобится. Я серьезно.

Внезапно всего этого стало слишком много: так сильно раскрываться перед ним, чувствовать, что он видит меня насквозь, понимает меня, после того как я так долго была одна. Это перебор.

– Извини, я отлучусь на минутку?

Я вскакиваю со своего стула.

– Все хорошо? – спрашивает он, вставая вместе со мной, как настоящий джентльмен.

– Я в порядке, мне просто нужно в дамскую комнату. Сейчас вернусь.

Я ухожу, не подавая вида, что охвачена приступом паники. Что я тут делаю? Кем я себя возомнила: пошла на свидание в дорогой ресторан в дизайнерской одежде с шикарным, умным мужчиной – не говоря уже о том, что его состояние исчисляется миллиардами.

Но дело не в деньгах – все дело в нем. Он добрый и внимательный, и его действительно заботит, о чем я думаю. Это примерно такая же редкость в этом городе, как единорог. В этом должен быть какой-то подвох. С моей стороны, это – не неуверенность, просто здравый смысл, который заставляет меня задаться вопросом: «А что он вообще видит во мне?»

В дамской комнате я включаю холодную воду и брызгаю немного себе на щеки и шею, чтобы

успокоиться. Делаю глубокий вдох и смотрю на себя в зеркало: глаза по-прежнему подведены карандашом, волосы все еще подняты вверх, а пряди свободно спадают как задумано, словно я одета для бала, на котором мне фактически не место.

Сент-Клэр точно похож на Принца Очарование, за исключением того, что это реальная жизнь, а не сказка. В ней не все живут вместе долго и счастливо.

«Ты всегда можешь выбрать быть счастливой», – часто говорила моя мама.

«Нет, не всегда, – однажды возразила я, после того как первый бойфренд разбил мне сердце. – Что, если тебя бросят?»

«Это твой выбор – увидеть светлую сторону, светлое пятнышко, которое позволит тебе подняться завтра. То, что ты выбираешь быть счастливой, не означает, что ты встаешь и танцуешь, как бы плохо не шли дела. Это означает, что ты отказываешься позволять печали управлять твоей жизнью, отказываешься позволять действиям других людей навязывать тебе эмоции».

Она обняла меня.

«Надо ли ждать пока счастье найдет тебя? – сказала я. – Или его нужно добиваться?»

«Ты можешь пытаться его добиться, детка, – сказала она, широко улыбаясь, – стараться найти всю свою жизнь».

Хотела бы я, чтобы мама сейчас была тут, но я знаю, что бы она сказала об этом волнении: это просто страх. И она была бы права. Не отказывайся от этого счастья только потому, что оно кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Я возвращаюсь к столику, полная решимости не позволить моей неуверенности разрушить возникшую между Сент-Клэром и мной искру, но мое сердце сжимается, когда я замечаю, что он стоит у выхода с телефоном в руке. Столик уже убран, а на его лице извиняющееся выражение.

– Мне ужасно жаль, но нам придется сократить наш вечер, – говорит он. – На работе возникло неотложное дело.

– Я понимаю, – вру я, вымучивая улыбку. – Не волнуйся.

Официант подходит, держа в руках сумки с едой, упакованной в коробки на вынос.

– Не хочу, чтобы этот праздник вкуса прошел впустую, – говорит Сент-Клэр. – Мой водитель отвезет тебя домой. Это меньшее, что я могу сделать для тебя, так несвоевременно исчезая.

Когда мы вместе спускаемся на лифте вниз, я задаюсь вопросом, действительно ли у него неотложные дела. Но Сент-Клэр, похоже, искренне сожалеет, что так все бросает.

– По крайней мере ты не пролил на меня кофе, – говорю я, пытаюсь поднять настроение. – Я все еще жду этого от тебя в отместку.

– Черт! Это было на повестке дня, – он усмехается и подходит ближе ко мне. – Полагаю, мы просто обязаны как-нибудь снова это сделать.

Я позволяю своему телу приблизиться ближе.

– Возможно, и я поучаствую.

Сент-Клэр нежно кладет руку на мое предплечье и настолько близко наклоняется ко мне, что я ощущаю его дыхание на своих губах за мгновение до того, как его рот накрывает мой.

Он целует меня медленно, не спеша, будто смакуя, как хорошее вино. Его губы путешествуют по моим, а затем он прихватывает мою нижнюю губу, слегка покусывая. Все мое тело оживает, требуя прикоснуться к нему, и я прижимаюсь, желая большего. Он раскрывает мои губы и проскальзывает языком в рот, я таю от этих чувственных ощущений...

Динь! Двери лифта открываются, и я быстро возвращаюсь к реальности, чары рассеиваются.

Сент-Клэр откашливается. На мгновение он выглядит ошеломленным, прежде чем вернуть свое самообладание.

– Мой, эм, водитель отвезет тебя домой и возьмет твой номер. – Он оставляет краткий

поцелуй на моем лбу. – Сладких снов, Грэйс, – говорит он и уходит.

Появляется его водитель и ведет меня к лимузину, но я едва ли замечаю хоть что-то по дороге домой. Я затерялась в воспоминании о его поцелуе. *Нашем первом поцелуе.*

Я лишь надеюсь, что он первый из многих.

ГЛАВА 7

О, эта радость от осознания, что сегодня выходной день!

Я просыпаюсь рано под знакомые звуки ресторана внизу. Делаю себе кофе и возвращаюсь в кровать. Залезаю под одеяло, снова и снова прокручивая в голове детали прошлого вечера: как мы говорили об искусстве, как он все понял и через стол взял меня за руку, как поцеловал меня в лифте.

Боже, этот поцелуй выбил меня из колеи. К слову о горячем. В смысле, у меня не так уж много опыта, но я едва могла ходить после десятисекундного поцелуя. Представляю, что он может сотворить, используя все свое тело...

Мой телефон пискнул. Это он:

«Еще раз прошу прощения за столь резкое окончание нашего свидания. Я прекрасно провел время и надеюсь, что ты тоже».

Он прекрасно провел время! Такое чувство, словно я сделала кувырок «мельницей», словно я опять в средней школе.

Успокойся, Грэйс, успокойся.

«Так и есть», – отвечаю я. Пейдж могла бы мной гордиться.

Сегодня прекрасное солнечное воскресное утро, что редкость для Норс-Бич, поэтому я откидываю одеяло и встаю с постели. Я с удовольствием греюсь в теплых воспоминаниях прошедшей недели. Пусть все пошло и не так, как планировала, мои новые перспективы – «Кэрриганс» и Сент-Клэр тоже – переполняют меня счастьем и надеждой. После того как столько времени чувствовала себя словно в ловушке под темным облаком, наконец ощущаю, словно впереди появилось чистое голубое небо.

Когда я выхожу из душа, то получаю еще одно сообщение от него:

«С нетерпением жду новой встречи».

«Хотелось бы в следующий раз увидеть побольше тебя, желательно без одежды» – не очень уместный ответ, поэтому вместо этого я пишу:

«Не могу дождаться».

Я не в силах совладать с дурацкой улыбкой на лице, поэтому решаю использовать позитивную энергию с большей пользой.

Одеваюсь и, прихватив этюдник и остатки дим сама²⁵ с прошлой ночи, отправляюсь на автобусе к музею Почетного Легиона, одному из самых моих любимых мест в городе. Автобус проезжает по извилистой грунтовой дороге, вверх по крутому холму с видом на залив Сан-Франциско, и высаживает меня перед великолепным зданием музея, построенным в стиле французского неоклассицизма. Там есть большая белокаменная арка с искусной резьбой, огромными каменными львиными головами с великолепными резными гривами, стоящими на столбах словно стражи, двор окружают колонны, а в центре, на вершине пьедестала, находится скульптура роденовского²⁶ «Мыслителя».

Остальные туристы направляются в музей, но я пробираюсь через арку, которая ведет назад к лужайке. Здесь, со скал, открывается вид на залив и мост «Золотые Ворота» – один из лучших видов в городе. Увидев синюю гладь океана, я останавливаюсь. Каждый раз у меня захватывает дух от этого, а сегодня так вообще редкое удовольствие – переливающиеся солнечные лучи танцуют на лазурной поверхности воды, искрясь под массивным оранжевым мостом, словно огоньки фейерверка.

Стояла зима, когда я рассеяла мамин прах на этом самом месте. Мама не хотела быть похороненной. Она всегда говорила, что не хочет, чтобы ее положили в могилу непонятно где и

чтоб я чувствовала себя обязанной посещать это место, поэтому она оставила инструкции в своем завещании, чтобы ее кремировали, а мне: развеять ее прах в моем любимом месте. Я почти слышала ее невысказанную фразу: в месте, которое мы обе любили, куда мы любили ходить вместе.

Я раздумывала несколько месяцев, прежде чем принять решение, после того как рак, в итоге, забрал ее у меня. Все произошло так быстро, мама даже не сказала мне о диагнозе на первых порах, она думала у нее будет больше времени. Я к тому моменту уже уехала в колледж на Западное побережье: вливалась в напряженный график и старалась успеть совмещать занятия с работой на полставки. Мама не хотела портить мне учебу в колледже, поэтому молчала об этом во время наших телефонных разговоров, откладывая неизбежное так долго, как могла.

Но она не могла откладывать это вечно. К концу моего первого курса мне позвонила наша соседка и сказала, что мама упала в обморок в продуктовом магазине, что она уже была слишком слаба, чтобы продолжать самой заботиться о себе. Я была так растеряна и сбита с толку.

– Что вы имеете в виду? – спросила я.

– Из-за рака, дорогая, – сказала она.

Я не могла вымолвить ни слова.

– Она больна?

В тот же день ближайшим рейсом я вернулась в Окленд, но рак уже слишком сильно распространился, чтобы поддаваться лечению.

«Доктора ничего не могут поделать, – сказала мама, выглядя бледной и слабой, лежа на диване. – Ты ничего не можешь сделать».

Но она ошибалась. Я могла быть с ней все время, что у нее осталось, чтобы она не прошла через все это в одиночестве. Я вернулась домой, отказавшись от лета в Италии. Я делала все от меня зависящее, чтобы заботиться о ее теле и поддерживать ее дух. Я возила ее на вершины Оклендских холмов, чтобы она могла насладиться видом из окна машины, когда была слишком слаба, чтобы ходить, и ездила с ней в архитектурные туры по городу. Я кормила ее на пирсе чаудером²⁷ из крупных морских моллюсков в хлебных чашах, пока мы слушали рык стай морских львов, подставляя лица солнечному теплу, в то время как по пальчикам наших ног гулял прохладный ветерок. Мы подолгу так сидели, просто наблюдая мир вокруг: его красоту, искусство – в ежедневном движении света на поверхности воды, птиц в полете, проявлений любви на лицах людей – все время, до самого конца.

Сейчас, глядя на океан, я знаю, что она где-то там, во всяком случае ее частичка, создает красоту, которой мы наслаждаемся каждый день.

– Я люблю тебя, мамочка, – шепчу я и посылаю вдаль воздушный поцелуй. Мне нравится представлять, что ее прах все еще кружится в прекрасных далеких далях.

Я почти слышу, как она отвечает, что тоже любит меня. Даже если это всего лишь проделки ветра, я все равно улыбаюсь.

– Это ты! – кричит позади меня мальчонка, вырывая меня из болезненных воспоминаний. Несколько детишек бегут рядом, смеются и кричат: «Не он!»

Я напоминаю себе, что сейчас надо оставить прошлое в покое; что сегодня прекрасный день, и я не могу позволить себе упустить из него ни одного мгновения. Поэтому я возвращаюсь внутрь, чтобы окунуться в великолепное искусство, заходя в каждый зал, словно в гости к старым друзьям: Мане²⁸ и Сезанн,²⁹ пестрые мазки и яркие насыщенные цвета, цветы и сказочные сцены в саду и, конечно же, сад скульптур. Я сажусь под скульптурами Родена, мастерски выражающими чувства: лица на них выглядят как настоящие. Ему удастся вдохнуть чувства в свои творения: экспрессия, застывшая в камне, возможна только при предельной

внимательности к деталям и мастерстве рук творца.

Я распаковываю свой пикник, который благодаря Сент-Клэру намного лучше моих обычных бутербродов. Остатки с ужина по-прежнему сочные и вкусные, и, трапезничая, я ловлю себя на том, что вновь думаю о Сент-Клэре. Было предусмотрительно с его стороны распорядиться, чтобы мне завернули эту еду на вынос, и это в точности его характеризует: всегда джентльмен, даже сегодня – написал сообщение, несмотря на свой напряженный образ жизни.

Я не могу представить, каково это руководить огромной успешной корпорацией, как делает он. Как человек может вообще справляться с таким напряженным графиком, как у него? Всегда в разъездах, вряд ли даже удастся поспать в своей собственной постели, не имея возможности просто поваляться без дела в пижаме и посмотреть телевизор, или поужинать с девушкой, не будучи срочно вызванным на работу.

Я все еще чувствую его губы на своих.

Интересно, что он делает сейчас, думает ли обо мне. Наверно проводит какие-то финансовые сделки стоимостью в миллионы долларов, но я рада, что могу наслаждаться сейчас противоположным образом жизни: выходным с моим этюдником и вкусными дим-сам, ощущая солоноватый океанский бриз и глядя на панорамные виды на город в окружении творений искусства. Чего еще может желать девушка?

Я слизываю с пальцев капельки сливового соуса, достаю карандаши и вскоре я уже занята: делаю наброски теней и очертаний статуй, белокаменных колонн здания Почетного Легиона, знаменитого «золотого» моста над сияющим синим заливом. Реальный мир растворяется, и по крайней мере на мгновение я абсолютно умиротворена.

ГЛАВА 8

Приехав в понедельник утром в «Кэррингс», я обнаруживаю припаркованные снаружи полицейские машины с мигающими красно-синими огнями. Огромные двери Аукционного дома открыты на ограничители, а по парадной лестнице снуют полицейские.

– Вы не можете войти, – произносит один из них, блокируя мне дорогу.

– Я здесь работаю! – протестую я, копошась в сумке и выуживая бейджик. Он недоверчиво его изучает, после чего отходит в сторону и позволяет мне пройти.

Внутри все выглядит еще более хаотично. Здесь еще по меньшей мере с десятков копov, говорящих в рацию, стоящих то там, то тут с официальным видом. Есть даже полицейская ищейка в виде вынюхивающей что-то немецкой овчарки.

Что, черт возьми, произошло?

Я вижу, как мимо проносится Челси с выражением паники на лице.

– Эй! – я ловлю ее за руку. – Что происходит?

– Ты разве не слышала? – моргает она. – Произошло ограбление, как они полагают, в ночь субботы.

– О, Боже мой, – ахаю я. – Что украли?

– «Суд Париса», – говорит она, в то время как мимо нас проходят два полицейских с коробками файлов в руках.

– Но как же охрана? – спрашиваю я сконфуженно. – Ведь это место как Форт-Нокс.

– Я знаю, ясно? – Челси наклоняется и шепчет: – Нет признаков взлома, на записях ничего подозрительного. Это ограбление – полная загадка.

– Полиция должна что-то знать.

– Они понятия не имеют, что случилось, – говорит она, оглядываясь по сторонам. – Допросили каждого, они где-то с час задавали мне вопросы. – Похоже, она вдруг осознает с кем общается: – Но они, вероятно, не станут заморачиваться с уборщиками, – добавляет она с самодовольной улыбкой. – Не похоже, чтобы ты что-то знала.

Нас прерывает Стэнфорд, кажется у него стресс.

– Челси, – говорит он. – Живо вернись наверх. Нужно разобраться с теми бумагами. Грэйс, все еще нужно закончить с архивом.

– Но... – Я указываю жестом на окружающих нас полицейских. Хотя все и шепчутся, но по колонному холлу и большим залам разносится эхо шагов и голосов. – Ты собираешься просто притвориться, что все эти парни не ведут тут расследование?

– Мы будем работать, пока можем, – говорит он, качая головой. – А теперь иди!

Я направляюсь вниз. Подвал также кишит полицейскими, и чтобы добраться до комнаты с гигантской картотекой, мне приходится протиснуться мимо четырех мужчин в разной униформе и каждому показать свой бейджик. К моему удивлению, Лидия тут: руководит потоком коробок с файлами, которые вносят и выносят полицейские и сотрудники «Кэррингс». Я только собиралась спросить, нужна ли ей помощь, как в комнату входит высокий, сурового вида мужчина. На нем темные джинсы и накрахмаленная рубашка, и хотя он выглядит неофициально, явно находится при исполнении.

– Ник Леннокс, – говорит он Лидии, посветив каким-то бейджем. – Интерпол, специальный отдел.

Она не скрывает своего раздражения:

– Чем могу помочь?

Он откашливается и расставляет ноги пошире:

– Мне нужны все записи с ваших камер наблюдения за последний месяц, а также чертежи

здания. Плюс список всех сотрудников и водителей доставки, а также всех прочих, кто контактировал с этим зданием в последние тридцать дней.

Лидия выглядит пораженной, и при других обстоятельствах я бы получила наслаждение от того, как ее передернуло.

– Это все, что необходимо? – спрашивает она. – Я, э-э, ну, мы бы не хотели особо распространяться об этом.

– Репутация вашей компании – не моя забота. – Он смотрит на нее сверху вниз. – Меня заботит только поиск картины. У нас будут с этим проблемы? Потому что если мне нужно позвонить вашему боссу...

Я приготовилась к вспышке ярости у Лидии, но она отступает.

– Нет, все в порядке. Я сделаю все, что потребуется, чтобы помочь расследованию.

– Хорошо. Вы можете начать с предоставления списка клиентов, делавших ставки на картину во время аукциона. Чья ставка в итоге выиграла? – спрашивает Леннокс.

– Чарльз Сент-Клэра.

Леннокс выгибает бровь:

– Интересно. Мне нужно будет поговорить с ним.

– Вам и нашему страховому агенту тоже, – Лидия выглядит бледной. – Акт передачи прав собственности еще не завершен. Мы возьмем на себя полную компенсацию стоимости картины.

– Как я уже сказал, это не моя проблема, – пожимает плечами Леннокс. – Дайте знать, когда у вас будет вся необходимая мне информация.

Он оборачивается и ловит меня на том, как я за ними наблюдаю, поэтому я быстренько ретируюсь на рабочее место. Я нахожу свободный угол, чтобы не попасть на глаза кому-нибудь с потрепанными нервами, и снова приступаю к заполнению картотеки, пока Стэнфорд не находит меня среди залежей пыли.

– Где ты была?! – вопрошает он.

– Там, куда ты сам меня отправил, – говорю я. – Ведь я живу, чтобы служить тебе.

– Прибереги юмор до того дня, когда мы не будем стоять перед лицом полного краха, – вздыхает Стэнфорд. – Пошли, твой черед предстать перед инквизицией.

Он ведет меня наверх, в офис Лидии. Я подмечаю, что в холле и по коридорам снуют уже три полицейские ищейки. Люди все еще на взводе, нервные, и когда я захожу в кабинет, то обнаруживаю там агента из подвала, удобно устроившегося за столом Лидии.

– Эмм, привет. Мне сказали, что вы хотели со мной поговорить? – неуверенно мнусь я. Не знаю, чем я могла бы помочь расследованию.

– Благодарю, присаживайтесь. – Леннокс открывает свой маленький кожаный блокнотик и быстро пробегает глазами по паре страничек. – Я ведущий агент в этих делах, так что у меня есть пара вопросов.

Делах? То есть их больше чем одно?

– Были и другие кражи? – спрашиваю я, сидя напротив него.

Он поднимает взгляд, вскинув брови:

– Это не разглашается.

– Простите, – краснею я.

Неожиданно его лицо озаряет улыбка, и я понимаю, что он выглядит гораздо красивее, когда не хмурится.

– Вам не о чем волноваться. А теперь мисс... – он заглядывает в свой блокнот, – Беннет. Несколько дежурных вопросов. Как давно вы работаете в «Кэррингс»?

– Я начала лишь на прошлой неделе, поэтому не уверена насколько смогу быть полезной.

Он снова смотрит на свои заметки и становится сосредоточенным:

– Слышал, это вы делали ставку на украденную картину?

– Да, – отвечаю я, вдруг слегка встревожившись. – Мистеру Сент-Клэру нужно было ответить на звонок, и он попросил меня сделать ставку за него.

– Были ли другие участники, которые казались огорченными проигрышем своих ставок?

– Только один. Им был Эндрю Тейт. Он казался рассерженным, но больше из-за проигрыша, – говорю я, вспомнив его сексистские шутки. – Может, из-за того, что проиграл женщине. Но вообще-то он не очень пекся о картине.

Леннокс делает у себя пару пометок.

– У вас был доступ в хранилище?

– Нет.

– Вас видели там в пятницу вечером до аукциона.

– Ах, это! – Черт. Боже, допросы определенно тяжелее, чем они выглядят по телевизору. Кто помнит каждую деталь своих будней? – Меня отправили туда за стульями, – пожимаю я плечами. – Я на подхвате. Делаю то, что мне велят.

– Вы видели там еще кого-нибудь? – спрашивает он.

– Только Лидию и Стэнфорда, парочку фотографов и клиентов... – Мои ладошки начинают потеть. Теперь я и правда нервничаю. – Что, как вы думаете, произошло? Думаете, это кто-то из своих?

Леннокс откидывается назад.

– Пока рано что-либо говорить, и я не в праве делиться деталями следствия, но, похоже, это может быть связано с другими похищениями элитарных произведений искусства, с которыми мы столкнулись в Европе.

То есть были и другие ограбления. Сомневаюсь, что он бы мне сказал, что именно было украдено, поэтому не докучаю расспросами.

– Что ж, удачи, – произношу я. – Хотела бы я знать больше, чтобы помочь.

От мысли обо всех этих украденных произведениях искусства у меня сводит желудок.

Леннокс кивает и, насупившись, пересматривает свои записи. Он поднимает взор, когда я встаю.

– Если припомните еще что-нибудь, вспомните какие-то подробности... – он вытаскивает визитку из кармана куртки, – звоните в любое время.

– Я правда надеюсь, что вы найдете эту картину, – говорю ему, взяв визитку. – Она слишком прекрасна, чтобы томиться в каком-нибудь воровском логове.

Он улыбается.

– Мы найдем ее, мисс Беннет, – говорит он. – Чего бы это ни стоило. Вы можете на это рассчитывать.

Снаружи Стэнфорд сообщает мне, что Аукционный дом закрывается на день, и мы все можем идти по домам. Холл все еще выглядит как место преступления – хотя, полагаю, технически это и есть место преступления – так что я стараюсь пройти незамеченной сквозь этот гвалт. Но у дверей замечаю Сент-Клэра в компании пары пожилых мужчин.

Я останавливаюсь и пячусь назад, стараясь не попасться на глаза. Меня вдруг охватывает волнение, все внутренности скручивает. Мои щеки горят, когда я вспоминаю о нашем поцелуе, но не уверена, что должна подойти к нему и его друзьям. Господи, я словно в старшей школе. Уместно ли будет подойти поздороваться?

– Грэйс!

Я поднимаю глаза. Сент-Клэр заметил меня и машет рукой.

– Привет, – говорю я, подходя к нему ближе, гадая, как его поприветствовать: объятием, поцелуем, рукопожатием? Я довольствуюсь улыбкой. – Сожалею о картине. Это такой позор.

Он грустно улыбается:

– Такое случается. Я не сомневаюсь, что полиция найдет и вернет ее мне.

– Как ты можешь быть так в этом уверен?

– Потому что таков мой выбор, – усмехается он. Я удивлена; я ожидала, что он будет зол или расстроен: шедевр за шесть миллионов долларов – это значимая вещь, чтобы ее потерять, но вместо этого он полностью сконцентрирован на мне:

– Ты сейчас куда?

– Иду домой, – говорю я ему. – В интересах следствия «Кэррингс» закрывается рано.

– Что ж, если ты свободна сегодня днем, возможно, ты сможешь помочь мне кое с чем?

Поделишься своей экспертной оценкой?

Я смеюсь:

– Вообще-то никакой я не эксперт...

– Позволю себе не согласиться, – вновь улыбается мне Сент-Клэр, врубая свое очарование по полной. – Я рассматриваю вариант покупки картины и хотел бы знать твое мнение.

– Серьезно? – Он меня подкалывает, да? – Почему?

Он приподнимает бровь, вроде как говоря: «Да ладно тебе».

– А как ты думаешь?

– Я понятия не имею, – признаюсь я, растерянно. – Я совсем не квалифицирована, как сертифицированные оценщики или консультанты. Не знаю, а если... – он прикладывает палец к моим губам, и шок от его прикосновения заставляет меня замолчать.

– Мне плевать на квалификацию, – говорит он, пронизывая меня своими бездонными синими глазами. – У тебя наметанный глаз и превосходный вкус. Вот, что для меня важно.

Я вздыхаю.

– Ну, ладно... – говорю я. – Но ты не сможешь винить меня, если я скажу тебе потратить миллионы на детские каракули.

Он снова посмеивается.

– Там будут и мои старомодные официальные советники, но мне действительно нужна и твоя страсть. Твоя инстинктивная реакция. – Он берет меня за руку, будто это что-то самое естественное в мире. – Твое внимание к деталям.

Боже мой, у меня нет слов. Все, о чем я могу думать, это детали, которые я замечаю прямо сейчас: покалывание от его пальцев на моей коже, волнение, оттого что он просит моего совета, его признание. Ах, да, и еще рельеф его мышц под рубашкой.

– Так что скажешь? – спрашивает он. – Прокатишься со мной?

Мое сердце делает сальто в груди, но мне удается сдержаться, чтобы мой голос не был похож на писк куклы из Маппет-шоу, когда я отвечаю:

– Да. С удовольствием.

ГЛАВА 9

Пересекая мост «Золотые ворота» на пассажирском сиденье роскошного автомобиля Чарльза, я вновь захвачена красотой этого города. Ключья тумана и низкие облака плывут сквозь толстые оранжевые кабели и металлические башни моста. Когда я была ребенком и смотрела на него с земли, он часто выглядел так, словно парит, я чувствую сейчас нечто аналогичное. Это головокружительно, волнительно и мечтательно.

– Здесь так великолепно, – говорю я. – Когда-нибудь я хочу нарисовать этот мост оттуда. – Я указываю на холмы Мерин Хедлэндс над мостом в северной части, оголенные скалы, окрашенные в серо-зеленый: – Идеальный ракурс.

– Давай так и сделаем, – говорит он, поглядывая на меня. – Мне придется украсть тебя как-нибудь в другой раз.

– Какое-то время мне не стоит отлынивать от работы.

– Ты не особо нарушаешь правила, да? – смеется он. – Никаких тайных историй о купании нагишом или побегах через окно посреди ночи?

– Нет, если не считать нарушением правил то, что я ужасно училась в школе, – говорю я, думая о моей средней оценке C^{30} из-за проблем с концентрацией внимания. – Я вела себя хорошо, просто не переставала делать зарисовки.

Под нами проплывают парусники, воспользовавшиеся гуляющим по заливу ветром, а на мосту десятки туристов бросили вызов ветреному дню, чтобы насладиться удивительными видами на город.

– Например, такие, – говорю я, показывая на весь окружающий нас мир жизни и искусства. – Как я могу не пожелать запечатлеть это?

Парочки целуются, а дети едут на велосипедах – это идеальный портрет Сан-Франциско.

Когда я оглядываюсь, то ловлю его взгляд на себе.

– Что? – спрашиваю я, смутившись.

– Ничего, – таинственно улыбается он. – Просто мне нравится, как ты смотришь на мир, вот и все. Многие никогда так и не находят времени, чтобы увидеть то, что раскинулось прямо перед ними, а ты видишь красоту во всем.

Я краснею.

– Это у меня от мамы, – делюсь я. – Она была самым наблюдательным человеком, которого я когда-либо знала. – Я смотрю на него с любопытством: – А что на счет твоих родителей?

– Я провел большую часть своего детства в школе-интернате в Англии.

Я скорчила мину – не смогла сдержаться – и он смеется:

– Не все было так уж плохо. Во всяком случае не так, как ты наверно подумала. Я научился дисциплине, и независимости, и лояльности, но я и правда скучал по семье, по дому.

– Уверена, и они по тебе скучали, – говорю я, представляя, каково это быть вдали от дома большую часть года, вдали от моей мамы. – Ты с ними близок сейчас?

Он медлит с ответом:

– Ну, мы ладим, но в моей семье, даже если ты ненавидишь кузена, все равно будешь улыбаться и за столом, во время семейного ужина, предложишь последнюю порцию, потому что это диктуют хорошие манеры.

Я тихонечко смеюсь.

– Прости, – говорю я. – Это не смешно. Это вроде как печально.

– Так и есть, это одновременно и смешно, и печально. Британская семья старой закалки, ну, ты понимаешь? Традиции и поддержание фамилии стоят на первом месте.

Мы пересекаем мост и въезжаем в Мерин Каунти: теперь по обе стороны от нас возвышаются

пышные зеленые холмы, покрытые мхом и капельками влаги от тумана. Я не знаю, должна ли как-то это прокомментировать. Вся его жизнь кажется мне такой чуждой.

– После того как мы потеряли Роберта... – Сент-Клэр медлит. – Он был старше меня, был непосредственным наследником. Но вдруг все давление семьи опустилось на мои плечи.

Я не знаю, что сказать, поэтому просто протягиваю руку и сжимаю его колено.

– Держу пари, они очень гордятся тобой сейчас, всеми твоими международными успехами.

– Я в этом так не уверен. – Хотя тон у Сент-Клэра и легкий, но я вижу, как тень омрачает его лицо. – Они ни разу ничего об этом не сказали.

– Это просто присущая британцам «твердость духа», верно? – говорю я, надеясь, что он не поймет меня неправильно. – Я имею в виду, разве не так? Вы, британцы, ведь не знаете, как выражать симпатию?

Чарльз смотрит на меня, от взгляда этих глаз по моим венам бегут маленькие искорки.

– Я позволю себе не согласиться.

Я чувствую, как внизу живота распространяется тепло и успеваю отвести взгляд, чтобы он не увидел разгорающееся во мне желание, явно отражающееся на моем лице. Он вновь фокусирует внимание на дороге, и мне становится доступен к созерцанию его профиль, контуры его идеальных черт. Я помню наш поцелуй, проскользнувший между нами разряд, и мне безумно хочется вновь ощутить этот импульс на своей коже.

– Так, – говорю я с надеждой, что мой голос не звучит так, словно я только что представляла его губы на моих и то, как его кожа соприкасается с моей... *Прекрати, Грэйс!* – А куда мы направляемся?

– Художественное полотно находится в поместье в Напе, – отвечает он. – Оригинал Мане,³¹ судя по всему, был обнаружен пару недель назад в погребе этого дома после смерти владельца. Семья ищет, кому бы его продать.

– Ты шутишь! – восклицаю я. – Такая находка...

– Я знаю, – говорит он с таким же благоговением в голосе. – Если это подлинник. Мои представители уже там, чтобы убедиться в его аутентичности, но я никогда ничего не покупаю, предварительно не взглянув.

Лысые холмы сменились виноградниками и парой ферм с коровами и лошадьми, блуждающими по полям. Огромные пушистые облака медленно плывут по ясному голубому небу, ястребы и вороны парят в вышине, выписывая широкие дуги. Он сворачивает с шоссе, и стелящаяся перед нами дорога ведет через дубовую рощу, за которой раскинулся виноградник – все зеленые листочки мягко колышутся от дуновения легкого ветерка. В конце подъездной дороги стоит огромный каменный особняк, размером с четыре обычных дома и каменной башней с одной стороны.

Сент-Клэр паркуется рядом с другой машиной.

– Прекрасно, они уже здесь.

Внутри дом выглядит так, словно его не обновляли с момента постройки более двухсот лет назад. Двое пожилых мужчин ждут в фойе.

– Джентльмены, спасибо, что приехали. Грэйс, это мистер Пемберли и мистер Коутс. Грэйс Беннет – моя подруга, – объясняет он, и мужчины вежливо пожимают мне руку.

Вместо носового платка из переднего кармашка у Пемберли выглядывает настоящий монокль:

– Как мило с вашей стороны присоединиться к нам, мисс Беннет.

– Это большая честь быть здесь, – отвечаю я, едва сдерживая усмешку из-за его старомодных манер.

Мы проходим мимо большой парадной лестницы, направляясь в гостевую приемную. В комнате от пола до потолка выстроились книжные полки, несколько мягких кресел стоят у

гигантского камина. В углу примостился письменный стол с чернильницей и пером возле листа бумаги, словно кто-то начал писать письмо, но так к нему и не вернулся.

Брокер, бойкая женщина, которая явно смахивает на Лидию, указывает нам на угол у окна, где установлен мольберт с картиной.

– А вот и она, – говорит она величественно. – «Парусники на закате».

Я с трепетом замираю на месте. На картине изображены лодки, мягко покачивающиеся на каналах Венеции. В колледже я делала сборник по работам Мане, поэтому узнаю характерные полосатые столбы и синюю гладь воды на переднем плане, а также белые стены и освещенные окна городских построек Венеции на заднем фоне.

Коутс хлопает в ладоши:

– Замечательно, просто замечательно. Я предполагаю, что холст и краски были протестированы на соответствие периоду времени?

– Конечно. – Брокер предоставляет папку с документами касательно аутентичности, фотографиями, выглядящими официально печатями и прочими бумагами, в то время как Пемберли подходит поближе к шедевру, доставая из кармана свой монокль.

– Это умопомрачительно, – говорит Пемберли, разглядывая холст вблизи. – Бесподобно.

Коутс проверяет документы, кивая:

– Похоже все в порядке. – Он в свою очередь подходит к холсту.

Пемберли сияет:

– Определенно Мане. Какая изумительная находка, мистер Сент-Клэр.

Коутс поднимает глаза от картины:

– Однозначно. Найдка – мечта. Невероятная инвестиция.

Пемберли говорит:

– Через несколько месяцев у нас будет показ в городе, а до этого создадим шумиху.

Я ожидаю, что Чарльз тоже присоединится к ним и будет праздновать, но вместо этого он смотрит на меня.

– Грэйс? – спрашивает он. – А ты что думаешь?

Я не уверена, что еще могу добавить, но делаю шаг вперед, чтобы рассмотреть поближе. Картина и правда красивая, и вся комната вокруг будто растворяется, когда я впитываю картину, погружаюсь в ее замысловатые мазки, в работу импрессиониста в наилучшем виде.

Она выглядит настоящей, и все в движении краски и шероховатости на холсте говорит, что она из периода Мане, но тем не менее...

Я медлю.

– Что такое, Грэйс? – спрашивает Чарльз, подходя ближе. – Что ты видишь?

– Ну... – Я поднимаю взор и замечаю все эти взгляды, устремленные на меня в ожидании, взгляды полные скепсиса на лицах пожилых людей. Я делаю шаг назад и качаю головой:

– Скорее всего, это не существенно.

Сент-Клэр бросает на меня взгляд:

– Скажи мне.

Я действительно не хочу этого делать, но, подумав об альтернативе – что он покупает эту возможно не аутентичную картину – я должна сказать.

– Ладно, – я вздыхаю. Надо это сделать. *Пожалуйста, не возненавидь меня.* – Думаю... это подлог.

Брокер ахает:

– Да никогда!

Коутс громко смеется.

– Кто эта девушка? – говорит он. – Уверяю вас, документы говорят сами за себя.

– Я, наверное, ошибаюсь, – быстро говорю я со смущением. – Простите.

Сент-Клэр берет меня за руку и отводит сторону:

– Что заставляет тебя думать, что это не подлинник?

– Не знаю, я просто чувствую это нутром.

Коутс прерывает нас:

– Все тесты были убедительными.

Пемберли показывает Сент-Клэру файл:

– Пигменты в краске, композиция нитей холста – это все из 1850-1890 годов, которые соответствуют периоду Мане.

– Но на этот период приходится и самые лучшие подлоги, – говорю я, не в силах остановиться.

– Верно? Подражатели рисовали подделки картин в тот же период, а затем передавали их из поколения в поколение, пока кому-то не удалось бы выдать ее за оригинал работы художника.

– Но подпись идеальна, – говорит Пемберли, указывая на нижний левый угол картины. – Безупречна.

– Вообще-то, – продолжаю я, чувствуя, как учащается мой пульс. Зачем теперь останавливаться? Все или ничего. – Именно из-за подписи я и призадумалась.

Привередливые мужчины все еще смотрят на меня скептически, но внимание Сент-Клэра обращено на меня, а только он и имеет значение.

– Покажи мне, – говорит он, наклоняясь.

Я указываю на «Т»:³²

– Видишь, как мазок кисти, который пересекает «Т» идет слева направо? На настоящей подписи Мане «Т» пересекается справа налево.

Арт-консультанты остаются при своем мнении.

– Этому нет официального подтверждения по каждой картине, – говорит Коутс.

– Это крошечная деталь, – соглашаюсь я, – но у этой картины необычное происхождение. Вот так просто была обнаружена спустя все это время? Это один шанс на миллион.

– Значит, либо мне действительно повезло, либо кто-то хочет, чтобы я так думал, – медленно произносит Сент-Клэр.

Он откидывается назад и вдумчиво рассматривает картину, затем, наконец, объявляет:

– Я ее возьму.

Брокер издает вздох облегчения:

– Замечательно.

– Великолепный выбор, – подхватывают остальные, но я воспринимаю его слова как предательство.

Он не поверил мне.

Я чувствую себя раздавленной. На глаза набегают слезы, и я близка к тому, чтобы выставить себя в еще более неприглядном свете, поэтому со словами «Прошу меня извинить» я покидаю старинный дом и выхожу под лучи солнца.

«Все хорошо», – говорю я себе. Ну и что из того, что он поверил тем опытным арт-консультантам, а не мне? Разве не так же поступил бы любой здравомыслящий человек? Особенно при таком крупном вложении денег?

– Грэйс? – Я подсакиваю от оклика, но это Сент-Клэр, и он выглядит обеспокоенным. – Ты в порядке?

– Мне так жаль, – я снова краснею. – Чувствую себя такой идиоткой.

Он присаживается рядом со мной:

– Не стоит. Я тебе верю – ты была права относительно пересечения у «Т».

Я вытягиваю голову от удивления:

– Ты тоже думаешь, что это подделка? Тогда зачем ты ее купил?

– Потому что это все равно прекрасная картина, – улыбается он. – Почему одна картина должна цениться больше другой только потому, что она принадлежит руке конкретного человека, а не кого-то другого? Разве она не удивительна по-прежнему, вне зависимости от того, кто ее нарисовал?

Я не могу поверить. Ему и правда плевать на имена и ярлыки.

– Уже становится поздно, – говорит он, глядя на сумеречное небо. – Что думаешь, если мы останемся на ночь здесь, вместо того чтобы ехать назад? У меня неподалеку есть жилище.

К моему лицу приливает кровь, и я становлюсь пунцовой быстрее, чем успеваю сформировать в голове целое предложение.

– О, – больше подойдет ОМГ.³³ Он и правда только что предложил мне провести ночь вместе?

– У меня есть парочка свободных комнат для гостей, – быстро говорит он, но в этот момент мы встречаемся глазами. Волнительное напряжение.

Ночь с ним наедине, подальше от всего... заманчиво, непредсказуемо и определенно вне моей лиги. Но рядом с ним мне хочется рискнуть.

– Да, – говорю я ему и совершаю прыжок: – Я останусь.

ГЛАВА 10

Не знаю, чего именно я ожидала – чего-то вроде английского замка – но когда мы, обогнув холм, подъехали и остановились перед жилищем Сент-Клэра, то им оказался современный, элегантный дом. Скорее, он больше походил на особняк: здание из камня и стали, с огромными стеклами, располагалось среди холмов над красивым виноградником.

– У тебя шикарный дом, – выдыхаю я, следуя за ним через парадную дверь. Все помещение со свободной планировкой³⁴ и массивными окнами с видом на холмы. Кухня больше, чем вся моя квартирка, обширное пространство оборудовано бытовой техникой из нержавеющей стали и кухонным островком с широкой гранитной столешницей.

Я смотрю по сторонам, стараясь впитать все это, и тут замечаю на стене ее: настоящую картину Ротко.³⁵ У меня отваливается челюсть.

– Она выставилась в Музее Искусств Лос-Анджелеса в прошлом году. Я безумно хотела пойти. Как ты ее заполучил? – почти визжу я, подходя к ней поближе. – Цвета такие изящные.

Сент-Клэр улыбается. Затем я замечаю де Кунса.³⁶ И... О, боже мой.

– Это подлинный Энди Уорхол?!³⁷ – восклицаю я, подбегая чтобы посмотреть. – О Боже, да, это он! – Я слышу восторг в своем голосе и стараюсь одернуть себя, мучительно сознавая, что млею и готова впасть в экстаз как какая-то девочка-подросток на шоу бойз-бенда. – Прости, я никогда не видела никого, кто бы владел такими произведениями искусства. Они всегда были доступны мне лишь в галереях и музеях.

Но Сент-Клэр, кажется, не возражает против моего энтузиазма.

– Нет, это здорово. Большинство людей даже не замечают искусства как такового, они просто хотят уточнить имя художника и стоимость и проходят дальше.

– Это невероятная коллекция. – Я осматриваюсь по сторонам еще некоторое время, в груди появляется головокружительная легкость, по мере того как узнаю каждое новое полотно, а с моего лица не сходит улыбка. Я останавливаюсь, только когда замечаю, что он наблюдает за мной.

– Не останавливайся, – говорит он, широко и гордо улыбаясь. – Можешь спокойно лепетать. Я так рад возможности разделить эти творения с кем-то, кому это не безразлично.

– Обидно, что такие люди, как тот парень, Эндрю, который почти выиграл твою картину...

– Мою украденную картину, – добавляет Сент-Клэр с дразнящей ухмылкой.

– Да. Ну, что такие люди, как он, могут купить шедевр, в который не влюблены, – восклицаю я.

– А затем хранить его в погребе, как головку сыра, которая становится дороже с возрастом, – продолжает Сент-Клэр.

– Верно! Это трагедия, – говорю я серьезно. – Боже, если бы у меня был Пикассо, или Рубенс, или Ротко, я бы выставила их на показ, как ты. – Имею в виду, я бы и его выставила на показ, но жестом указываю на стены его дома, покрашенные в однотонный белый цвет, чтобы выделить произведения искусства. – Где-то, где я бы могла любоваться ими весь день напролет.

– Искусство должно быть увидено, – говорит Чарльз, и я улыбаюсь. – Что? – спрашивает он.

– Так всегда говорила моя мама, – делюсь я.

– Умная женщина, – говорит он. – Прямо как ее дочь.

Наши взгляды встречаются, и я снова ощущаю между нами знойный импульс. Но откуда-то раздается бой курантов и момент разрушен.

– Позволь показать тебе гостевую комнату, – произносит он, и я следую за ним вверх по лестнице на второй этаж.

Ковер такой пушистый, что заглушает наши шаги, пока Сент-Клэр ведет меня к огромной

хозяйской комнате, великолепной, как пентхаус в отеле.

– Ну, вот мы и пришли. Подойдет? – спрашивает он.

Я стараюсь не рассмеяться. В комнате огромная двуспальная кровать, а через дверь я вижу ванну достаточно большую, чтобы в ней могло поместиться все семейство ди Фиоре. Помещение такое роскошное, что не захочется уходить.

– Думаю, я как-нибудь справлюсь.

Он посмеивается.

– Ужин будет готов через час. Располагайся, чувствуй себя как дома.

Он закрывает за собой дверь, оставляя меня одну.

Вау. Декор ошеломляющий – еще более толстый ковер, элегантные шторы и постельная накидка, атласные простыни и красивое лоскутное одеяло с серебристо-голубым узором, которое выглядит как произведение искусства. *Он подготовил это для меня или у него всегда готова изысканная гостевая комната, на случай, если он решит привести домой девушку?*

Огромные окна выходят на частный патио с видом на виноградники. Я словно во сне, за исключением того поцелуя в лифте, который однозначно был настоящим и жарким, и он пригласил меня сюда, одну, что тоже не сон. *Я в доме Чарльза Сент-Клэра и вот-вот буду с ним ужинать наедине.* От этой мысли по позвоночнику пробегает нервная дрожь предвкушения.

Я направляюсь в ванную комнату и наполняю огромную ванну горячей водой и пеной с ароматом лаванды. Он сказал чувствовать себя как дома, а большая роскошная ванна кажется идеальным вариантом после сегодняшнего стресса и долгой поездки. Я разделась и скользнула в воду, наслаждаясь ощущениями на коже от пузырьков и горячей воды. Впервые мне не нужно куда спешить или что-то делать: никакой смены в ресторане или собеседования по поводу работы, никакого босса, контролирующего мое время, я могу просто лежать и вдыхать все эти пары и ароматы.

Спустя некоторое время я начинаю беспокоиться, что могу опоздать на ужин, поэтому встаю и оборачиваюсь в полотенце. И тут до меня доходит: ведь у меня только рабочая одежда, в которой я была! Кажется неправильным надевать мою скучную блузку и костюм для романтического ужина, но, войдя в спальню, я замечаю разложенное на кровати платье. Это простенький голубой сарафанчик, который, похоже, хоть и будет плотно на мне сидеть, но все же будет удобным. Должна отдать должное этому парню. У него во всем хороший вкус.

На мгновение я задумываюсь, для чего у него под рукой новые женские вещи, но затем откидываю эту мысль. Мой макияж немного расплылся, но щеки розовые от жара ванной и мыслей о грядущем вечере, так что у моего лица по крайней мере есть цвет, а подводка для глаз слегка нечеткая в стиле «я-просто-заснула-с-макияжем-и-проснулась-выгляды-сексуально», который никогда не получился бы нарочно, если бы даже я специально постаралась. *Неплохо, Грэйс.* Снизу уже доносятся вкусные запахи, поэтому я одеваюсь, делаю глубокий вдох и вновь направляюсь на встречу с Сент-Клэром.

– Ау? – зову я, осматривая пустую гостиную.

– Здесь.

Голос Сент-Клэра доносится снаружи и, следуя за голосом, я выхожу на террасу. Это бесподобно. Мерцают свечи и на двоих накрыт стол, в деревенском стиле и с белой скатертью. За террасой закат окрасил небо во множество цветов, подсвечивая облака и превращая их в яркий микс из оранжевого, розового, фиолетового и золотого. Но ничто из этого так не захватывает у меня дух, как вид Сент-Клэра. Он переоделся в потертые повседневные джинсы, идеально обхватывающие его задницу, белую рубашку с расстегнутым воротником, и стоит босыми ногами на каменной плитке. Он выглядит расслабленным, непринужденным и

достаточно хорошо, чтобы его съесть.

– Ты отлично выглядишь в этом платье, – говорит он, приветствуя меня легким поцелуем в щеку. – Мне пришлось угадывать твой размер, но я предположил, что оно подойдет. И я знаю, что тебе нравится синий, так что...

– Спасибо, оно прекрасное.

– Всегда пожалуйста. Я люблю держать здесь кое-какую одежду для гостей.

То есть у него здесь постоянно бывают женщины! Я стараюсь скрыть разочарование, но, должно быть, оно отобразилось на моем лице, потому что Сент-Клэр добавляет:

– Гостей вроде моей сестры. Она со своей семьей приезжает и остается в поместье на каникулах.

– О, – говорю я, в тайне чувствуя облегчение, что не являюсь просто очередной «гостьей», которую он привез сюда на ночь. – Звучит мило. Держу пари, им здесь очень нравится.

– Так и есть. Ты готова к трапезе? – спрашивает он.

– Да, пожалуйста! – сразу отвечаю. Я не ела с ланча, кажется, целую вечность.

Он посмеивается:

– Тогда я не буду стоять между тобой и твоим ужином.

Он выдвигает для меня стул, и я сажусь, мои глаза прикованы к меняющимся цветам на закатном небе.

– Это как живая живопись, – вздыхаю я, любуясь видом.

– Из-за этого я и купил это место, – говорит он, поднимая серебряные крышки с блюд, под которыми оказываются простой зеленый салат с рукколой и натертым пармезаном и два отменных стейка, приготовленного на гриле.

– Пахнет восхитительно. – Я пробую кусочек стейка. Очень вкусно. – Вау. Есть ли что-нибудь, чего ты не можешь сделать?

Он смеется, наливая нам газированную воду из стеклянного графина.

– Я люблю готовить. Это помогает мне развеяться. А как на счет тебя?

– Я оставляю всю готовку на экспертов внизу. – Я улыбаюсь его озадаченному выражению лица. – Я живу над итальянским рестораном, – объясняю я. – Так что большинство вечеров прихватываю себе немного еды оттуда. Нона любит меня подкармливать.

– А что ты любишь делать для удовольствия? Чтобы расслабиться? – спрашивает он, перемешивая в салате заправку из лимона и оливкового масла.

– Спать? – Это звучит как шутка, но именно этим я занимаюсь при наличии свободного времени.

Он снова смеется.

– Нет, серьезно, – настаивает он. – Что помогает тебе избавиться от стресса, прийти в себя?

Я делаю вдох.

– Ну, рисуя, я обычно чувствовала, будто сбегая от реальности.

– Больше нет?

Я пожимаю плечами:

– Трудно ощутить вдохновение, с тех пор как потеряла маму.

Он задумчиво кивает, пережевывая стейк:

– Ты хочешь рисовать профессионально?

– Возможно, – говорю я, гоняя еду по тарелке. – Также сильно как кто-либо другой наверно. Зарабатывать на жизнь в качестве художника не совсем стабильно.

– Ах, но так ты по крайней мере следуешь своей страсти! – все его лицо загорается энтузиазмом. – Представь, какой жизнью ты бы могла жить: путешествовать по миру, учиться у мастеров...

– Жить на улице... – добавляю я, и он замолкает, глядя на меня вопросительно. – Это звучит великолепно, но у меня нет денег или патрона, как бывало у художников в эпоху Ренессанса.

– Я понял. Но разве от этого ты не чувствуешь, будто задыхаешься, игнорируя свою истинную любовь?

Я стараюсь улыбнуться:

– Мне трудно заниматься искусством, когда приходится работать, чтобы оплатить счета.

Он медлит, глядя на меня через стол.

– Тебе надо постараться найти время, Грэйс, иначе однажды ты сама себя не узнаешь.

Посмотришь на свою жизнь и удивишься, когда ты перестала чувствовать себя живой.

Так случилось с тобой? – хотелось мне спросить. В его глазах было что-то похожее на сожаление, но мне не хотелось портить нам настроение.

– Спасибо, – вместо этого сказала я.

Он казался удивленным:

– За что?

Я указала жестом на ужин, на наши почти пустые тарелки, виноградник, темнеющее небо.

– Сегодня был удивительный день. И не только сегодня, – добавила я. – С тех пор как я встретила тебя... Не знаю, я чувствую себя как-то по-другому. Более живой.

Не могу поверить, что только что это произнесла, но взгляд Сент-Клэра не дрогнул.

– *Сегодня еще не закончилось*, – сказал он сексуальным низким голосом.

Я покраснела.

Он начал собирать наши пустые тарелки.

– Позволь, я помогу, – сказала я, подхватывая миску для салата. – В конце концов, на данный момент я самая опытная официантка в доме.

На кухне мы сложили тарелки в раковину. Я начала их мыть.

– Тебе не нужно этого делать, – останавливает он, потянувшись руками по обе стороны от меня, чтобы выключить воду.

Я замираю, его тело нежно прикасается к моей спине, а дыхание согревает мой затылок.

– Нет? – Я чувствую тепло его тела рядом со своим, сладкий аромат его лосьона после бритья, когда он отводит волосы с моего плеча и целует в шею.

Я с трепетом выдыхаю.

– Сегодня ты уже достаточно сделала для меня.

Я перестаю дышать, когда он разворачивает меня лицом к себе, а его синие глаза проникновенно смотрят на меня.

– Позволь мне сделать что-то и для тебя, – говорит он и целует меня, сначала медленно, но постепенно усиливая напор, его губы требовательно прижимаются к моим, пока я не приоткрываю их, позволяя ему больше.

Его язык поддразнивает меня, я обхватываю руками его мускулистую спину и притягиваю ближе. Наши поцелуи становятся более быстрыми, более глубокими, и я ошеломлена пробегающими по моему телу ощущениями. Страсть, возбуждение, единение, потребность.

Раньше я ничего подобного не чувствовала.

Он сжимает мои бедра и нежно прижимает к своим. Его губы легонько касаются моей шеи, опускаются ниже к плечам и вырезу платья, посылая трепет по всему моему телу и мурашки по коже, каждый дюйм которой изнывает в ожидании прикосновения... в ожидании ласки.

– Боже, как ты прекрасна, – шепчет он, вновь пристально глядя мне в глаза и прижимая ладонь к моей щеке. Его глаза потемнели от страсти, такое же желание отдается и в моем теле, концентрируясь в самом центре у меня между ног. – Мне хочется не переставая смотреть на тебя.

Его руки проскальзывают под бретельки моего платья, медленно стягивая их вниз по моим

плечам. Я встречаюсь с ним взглядом, и он отступает, чтобы понаблюдать, как я не спеша спускаю платье вниз по бедрам, и оно соскальзывает на пол.

Делаю судорожный вдох. Я стою перед ним в одних трусиках и лифчике, но чувствую поклонение, обожание. Сент-Клэр смотрит на меня с таким трепетом, что я чувствую себя произведением искусства.

Он склоняется и прокладывает дорожку из поцелуев вдоль моей ключицы, его руки поглаживают и накрывают холмики моих грудей. Я стону от удовольствия и выгибаюсь, усиливая контакт.

– Теперь твоя очередь, – выдыхаю я, потянувшись к его рубашке. Расстегиваю пуговицы и распахиваю ее, целуя его широкую накачанную золотистую от загара грудь. Неожиданно Сент-Клэр подхватывает меня на руки и несет к обеденному столу. Он укладывает меня на него, так что я оказываюсь распростерта полностью Чарльзу на обозрение, в желудке снова все переворачивается.

В то время как во мне растет предвкушение, Сент-Клэр наоборот не спешит, явно наслаждаясь и делая все медленно, очень медленно. Он припадает ко мне и снимает с меня лифчик, его губы скользят по моему левому соску, пока пальцами поигрывает с правым. Я стону от пытки, когда его губы и язык спускаются ниже на мой животик и переходят на бедра. Зубами он тянет мои трусики вниз и, подцепив большими пальцами с двух сторон эластичный пояс, полностью их снимает, оставляя меня абсолютно обнаженной.

Я слишком охвачена возбуждением, чтобы беспокоиться об этом, ощущая каждое прикосновение, каждый поцелуй на коже, словно лесной пожар. Кончиками пальцев он скользит вверх по моим бедрам, и я чувствую, как каждая клеточка во мне готова взорваться от желания.

Он раздвигает мои ноги, и я готова практически умолять его прикоснуться ко мне. *Пожалуйста, просто прикоснись ко мне.* Сент-Клэр по-прежнему делает все медленно и неспешно. Он целует мои бедра, дразнит языком мою чувствительную кожу, проскальзывает ладонями мне под попку и прихватывает за ягодицы. Он ведет языком вверх по внутренней стороне моего бедра – медленно, все выше и выше – пока наконец влажный кончик его языка легонько не скользит вдоль моего клитора, ощущаясь как легкий мазок кисти. Из меня вырывается стон, я выгибаю спину, и на этот раз он глубже погружается в меня.

– Да... – шепчу я, растворяясь в ощущениях.

Его руки удерживают меня на месте, в то время как его язык вновь медленно ласкает меня, снова и снова, как художник, страстно поглощенный своим занятием, рисует густыми, длинными, влажными мазками все более и более возбуждаясь. Я выгнула спину навстречу его рту, сильнее раздвинула ноги, позволяя его языку рисовать известный только ему образ. Гладкие и динамичные короткие мазки, густые мазки, сочетание красок в слоях, создание давления, затягивание, пульсация, нарастание до трепетного пика... *О Боже. О Боже...*

О. Мой. Хренов. Боже.

Из меня вырывается крик – в момент оргазма я выкрикиваю его имя – сладость и жар взрываются в ослепительный шедевр, который оставляет меня обессиленной, истощенной. Освобожденной.

ГЛАВА 11

Я переворачиваюсь и потягиваюсь на самых мягких простынях, на которых когда-либо лежала, но они мне незнакомы. Слышу звук льющейся воды в душе и распахиваю глаза. Я на большой кровати в роскошной спальне, из огромной ванной комнаты просачивается пар с запахом мыла. И меня накрывает осознание: я в доме Сент-Клэра. Чарльза. Мужчины, который прошлой ночью подарил мне самый лучший оргазм в моей жизни.

Щеки охватывает жар, когда в голове всплывают картинки всего произошедшего, каждой мелкой детали, и я чувствую, как румянец распространяется дальше, по мере того как я представляю, что однажды придется возвращать «должок».

Но может это был разовый случай? У меня немного опыта в этих делах. Лишь раз с парнем, которого я встретила на вечеринке в мой первый семестр в колледже. Я была так смущена после случившегося, что сбежала из его общежития в пять утра и позорно пошла домой под первыми лучами восходящего солнца. Здесь у меня нет такой возможности, потому что я в буквальном смысле нежусь в роскоши на дорогих простынях из египетского шелка на широченной кровати в особняке миллиардера в Напе. *Во что я ввязалась?*

Чарльз напевает в душе какую-то незнакомую мне мелодию, и я не могу сдерживать улыбки. Очаровательно. Он явно расслаблен, что добавляет всей этой ситуации «что-черт-побери-мне-сказать-парню-который-слышал-мои-охи-но-даже-не-знает-где-я-живу» дополнительной неловкости. Звук воды в душе затихает, и я гадаю, что ему сказать. Хотела бы я знать, о чем он думает.

– Привет, – говорит Чарльз, выходя из ванной, выглядя убийственно сексуально лишь в полотенце, обернутом вокруг талии. Мышцы его торса идеально накачаны и рельефны, переходя в каменный пресс, от которого вниз убегает дорожка волос. Впервые он предстает передо мной без рубашки при свете дня, и я опасаюсь, что могу начать пускать слюни.

– Хорошо спалось?

Я сглатываю:

– Да, прекрасно. Спасибо.

Он сушит мокрые волосы полотенцем поменьше.

– По твоему похрапыванию я так и понял.

Я ахаю.

– Я не храплю!

– Храпишь, – усмехается он, бросая полотенце для головы в корзину для грязного белья, второе полотенце сползает на его бедра. – Тихонечко. Это умилительно.

Я хмурюсь.

– Да. Так же умилительно, как «ковыряние в носу».

– Погоди, ты и это делаешь? – он улыбается, и я со смехом запускаю в него подушкой.

Он заходит в огромную гардеробную, в которой висят костюмы, стоит комод и куча чего-то еще, что мне не видно с кровати.

– Послушай, мне бы хотелось остаться и позавтракать с тобой, но мне нужно попасть в Лос-Анджелес на встречу, – говорит он. – Моя машина ждет тебя внизу, чтобы отвезти в город. Тебе нужно вовремя вернуться, чтобы не опоздать на работу.

Он выходит из гардеробной в брюках и расстегнутой голубой сорочке, четыре разных галстука перекинуты через руку. Он по одному прикладывает их к сорочке.

– Как думаешь, который?

– Синий, – решаю я.

Чарльз усмехается:

– Ну, конечно.

– А сколько там их у тебя? – спрашиваю я.

Он смеется, качая головой.

– А что? Ты собираешься испортить их все? Может мне не стоит оставлять тебя наедине со всеми этими невинными жертвами. – Он сверкает еще одной усмешкой, и именно в этот момент мой желудок урчит.

Он снова смеется:

– Самое время. Жду тебя внизу. – После чего исчезает за дверью.

Я быстро освежаюсь в ванной, одеваюсь и спускаюсь вниз именно в тот момент, когда он выходит из кухни с термосом с кофе, теплым круассаном, завернутым в вощеную бумагу, и бутылкой апельсинового сока. Подмигнув, он прячет их в мою сумочку.

– Спасибо, – говорю я, мой мозг отключается. – Эм, прошлой ночью было весело.

– Весело? – его голос становится низким, сексуальным. Он подходит ближе и проводит рукой вдоль моей ключицы. – Я больше склоняюсь к «фантастически сексуально».

Мой пульс подскакивает:

– И это тоже.

Снаружи доносится шум, какой-то глухой рокот. Сент-Клэр грустно улыбается.

– Это за мной.

Я следую за ним на улицу как раз вовремя, чтобы заметить, как над деревьями появляется вертолет. Самый настоящий вертолет.

– Вау, ты действительно далеко зашел в стремлении сбежать со своего свидания, – говорю я, хихикая, чтобы он понял, что это шутка, но и гадая, увижу ли его снова.

Он склоняется и целует меня, мягко и увлеченно. Я таю от этого, пока в итоге он не отстраняется. Машина с водителем ждут.

– Мне предстоит загруженная неделя, – говорит он. – Я бы хотел увидеться с тобой в следующие выходные?

– Я бы тоже хотела.

Он улыбается:

– Я тебе позвоню.

Он вновь меня целует и отправляется в сторону вертолета. Я смотрю, как он без особых усилий забирается в него, а спустя мгновение взмывает вверх над лесополосой и улетает вдаль.

Поездка назад в город совсем не такая интересная без возможности лицезреть Чарльза. Несмотря на кружащий над заливом туман, я чувствую удовлетворение и волнение в ожидании того, куда нас с Чарльзом это приведет. Надо же, менее недели назад я отчаянно старалась пробиться в мир искусства, а сейчас я погружена в него с головой, в романтическом и профессиональном плане. Вчера я помогла определить подделку! Я чувствую гордость, высаживаясь из машины у ворот «Кэррингера», и с высоко поднятой головой вхожу в двери.

Моя гордость не продлилась долго.

– Слава богу, ты здесь, – в ту же минуту, как я захожу, передо мной материализуется Стэнфорд.

– Как ты это делаешь? – спрашиваю я. – Просто появился, словно знал, что я тут буду.

– Я всеведущий, – саркастически замечает он. – Сегодня ты нужна мне в подвале, полицейские оставили все в беспорядке. Начни с пола, а затем все остальное.

Я вздыхаю. Это слишком, чтобы продолжать чувствовать себя на вершине мира.

– Ладно, ладно.

По крайней мере я рада, что никто не заметит на мне вчерашнюю одежду, пока я драю полы. Я

подвожу мои чистящие средства к верхним ступенькам задней лестницы и начинаю свой первый день рабочей недели подметания, мытья полов и уборки стен, но, несмотря на мытарство моих заданий, ничто не может поколебать мое радостное свечение. Во время уборки компанию мне составляют воспоминания о Сент-Клэре: о его улыбке, теле, его языке...

Всю неделю от него нет новостей, и к пятнице я начинаю задумываться, есть ли повод беспокоиться. Знаю, что это вероятно из-за того, что у него куча других дел, и то, что он не выходит на связь, не означает, что он больше не заинтересован, но я не могу перестать тревожиться. Я имею в виду, он же руководит международной финансовой корпорацией! Он, должно быть, жонглирует миллионом мячиков одновременно, верно?

Ведь верно?

На работе, кажется, тоже все на взводе. Стэнфорд так напряжен, что даже мои позевывания вызывают у него резкий негатив.

– Если есть что-то, чем ты бы хотела заняться, Грэйс, сделай одолжение, иди и займись этим.

– Прости, – извиняюсь я. – Сейчас же вернусь к работе.

– Нет нужды вставать в позу, – говорит он. – Не сегодня.

– Что-то еще произошло? – Я заметила, как всю неделю вокруг носилась куча напряженных и напуганных людей, постоянно перешептываясь в коридорах и замолкая, стоило кому-то пройти мимо. Но даже несмотря на возникшие расходы по возмещению страховки, это казалось чем-то более значимым.

– Ты имеешь в виду, помимо ограбления, которое разорвало в клочья нашу международную репутацию? – спрашивает он с сарказмом.

Полагаю, что нет.

– У полиции пока нет никаких наводок?

– Нет, – вздыхает Стэнфорд. – Прости, что набрасываюсь на тебя, просто члены Совета директоров всерьез волнуются из-за этой кражи и вымещают это на Лидии, и догадайся, на ком она отыгрывается?

– На тебе.

– Вот именно. На твоём месте я бы держался от нее подальше, – добавляет он, озираясь по сторонам, словно Лидия вот-вот широким шагом выйдет на тропу войны. – У нее такой взгляд, словно она всю неделю не ела углеводы и у нее просто руки чешутся кого-нибудь уволить.

– Спасибо. Я постараюсь.

Я прячусь в подвале, проведя за уборкой весь остаток дня, но не могу удержаться, чтобы не проверять свой телефон каждые пять секунд. Сент-Клэр сказал, что позвонит до выходных, но середина дня пятницы неумолимо близко к ним, не так ли?

Наконец-то раздаётся звонок. Я подскакиваю в надежде, что это он, но звонок от Пейдж из Лондона по междугороднему интернет приложению.

– Привет тебе! – счастливо восклицаю я, опуская швабру и садясь на передвижной ящик для упаковки.

– Она жива! – смеется Пейдж. – Я всю неделю ждала, чтобы поговорить, но тебя теперь больше не застать в сети.

Я стону:

– Знаю, прости. Я пашу на этой работе весь день, а потом еще тяну ночные смены официанткой в ресторане.

– Все в порядке, я просто хотела узнать, как у тебя дела на твоей новой работе. Наверно там царит безумие после этого ограбления, – добавляет она.

– Откуда ты знаешь об этом? – спрашиваю я. Неудивительно, что все напряжены; они

пытались сохранить это в секрете, но, очевидно, информация просочилась.

– Картина была застрахована моей компанией, – объясняет Пейдж. – Они не хотят принять удар на себя и выплачивать компенсацию.

– Здесь все тоже сходят с ума, – говорю ей, переходя на шепот.

– Сент-Клэр расстроен? – спрашивает она.

– Нет. Он кажется на удивление спокойным по поводу всего этого.

– Полагаю, он фактически не потерял на этом деньги, везучий ублюдок.

– Ему нравилась эта картина, Пейдж. Дело не в деньгах. Он... не такой, как ты думаешь.

Наверно что-то в моем голосе выдало меня, потому что она втянула воздух и завизжала.

– Что произошло? – требует Пейдж. – Расскажи мне все!

– Что? Нет! – говорю я, гадая, как она поняла. – Ничего не произошло!

– Боже мой, ах ты, маленькая шалунья! – смеется она. – Даже не пытайся этого отрицать, ты же знаешь, что не можешь ничего от меня скрыть. Я хочу знать все подробности.

Наконец я хихикаю.

– Ладно, кое-что и правда произошло. Это было восхитительно...

Я осекаюсь. Лидия в ярости стоит в дверном проеме. Дерьмо.

– Мне нужно идти, Пейдж. Потом перезвоню, – я вешаю трубку и вскакиваю на ноги.

– Принимаешь личные звонки на работе? – Лидия пронзает меня ледяным взглядом.

– Прошу прощения, – говорю я, пряча телефон в карман. – Этого больше не повторится, – я хватаю швабру. – Я сразу же вернусь к работе. – Я понимаю, что уже во второй раз за сегодня меня поймали за баловством на работе, и меня накрывает осознание вины.

– Подожди, – останавливает меня голос Лидии. – Что ты, по-твоему, делаешь?

Я замираю. Это вопрос с подвохом?

– Эммм, мою пол?

Она презрительно усмехается:

– Это я вижу. Вопрос чем?

Я уставилась на нее, полностью сконфуженная.

– Шваброй?

– Это! – кричит Лидия, пиная своими остроносыми туфлями бутылки с моющим средством. – Ты что, совсем идиотка, использовать жесткие химикаты в комнате, где хранятся произведения искусства? Ты представляешь, какой урон можешь нанести? Даже просто распыленные в воздухе токсины могут повредить полотна!

Мое сердце бешено колотится.

– Нет, это те средства, которые мне велели использовать. *Стэнфорд*, – добавила я про себя, но не хотела впутывать и его в неприятности, поэтому промолчала.

– Они для холла! Для офисов и кабинетов! – Лицо Лидии розовеет, и она тыкает мне в лицо своим пальцем с французским маникюром. – Эти средства специально для тех комнат. Все это знают. – Она сердито смотрит на меня. – Или все должны знать.

Я чувствую себя идиоткой, которой она меня считает: на меня кричат, словно я опять в детском саду и случайно взяла чьи-то мелки. Но на этот раз я знаю, что она ошибается.

– Лидия, это правильные химикаты, – говорю я тихо. – Если вы просто проверите...

– Ты думаешь, я не знаю разницы? – прерывает меня Лидия.

– Нет, конечно же нет. Я просто думаю...

– Ты просто думаешь, что знаешь лучше меня? – Теперь ее лицо темно-красное, глаза скошены в ярости, и все это кажется высосанным из пальца. Полагаю, должно быть, случилось что-то еще, из-за чего все так раздражены, так расстроены. Наверно лучше помалкивать, пока все это не уляжется.

Я склоняю голову, действуя с ней, как с рассерженным животным: главное не смотреть ему в глаза.

– Простите, – бормочу я.

– От твоего «простите» все эти складские помещения не вымоются заново, не так ли? – говорит она ледяным голосом. – Завтра мы ожидаем совершенно новую партию артефактов. И куда нам теперь их складывать?

– Я все переделаю, – говорю я. – Я могу задержаться допоздна и прийти пораньше.

Лидия насмешливо ухмыляется.

– Ты уже доказала свою некомпетентность. – Она делает глубокий вдох и осматривает меня с головы до ног. – Нет, я сыта тобой по горло. Довольно. Ты уволена.

Мое сердце замирает. *Что?*

– Нет, Лидия, пожалуйста, позвольте мне загладить вину перед вами. – Этого не может быть. Прошла всего неделя! – Я могу лучше, клянусь.

На мои глаза наворачиваются слезы. Это так несправедливо.

– Клятвы не помогут, с самого начала твои результаты были не слишком выдающимися. – Она протягивает руку. – Твой бейдж, будь добра.

Медленно я достаю его из кармана и протягиваю ей. Он не был чем-то особенным – лишь клочок ламинированной бумаги с моим именем и фотографией – но для меня он символизировал гораздо большее: мой билет к карьере моей мечты.

Лидия берет его и прячет в свою сумочку, прежде чем одарить меня еще одним высокомерным взглядом.

– И даже не думай просить о рекомендательном письме. Насколько я могу судить, я была права с первой встречи. Такие люди, как ты, нежелательны в мире искусства.

Она важно удаляется, оставляя меня среди беспорядка раскинутых чистящих средств и наполовину вымытого пола. Это провал.

Моя мечта завершилась, так и не успев начаться.

ГЛАВА 12

Я выхожу из автобуса пораньше и иду до дома несколько лишних кварталов, чтобы постараться разобраться в своих мыслях, но это не помогает. Я тащусь по улицам, замечая весь этот мусор в водостоках, граффити на стенах. Я люблю этот район, но сейчас у меня такое чувство, что из мира исчезла вся красота.

Я прохожу мимо ресторана «У Джованни» и приостанавливаюсь на минуту, глядя через витрину на то, что происходит внутри. Вижу, как Кармелла обслуживает семью из восьми человек – фрикадельки почти для всех – и улыбается, натирая над тарелками свежий пармезан. Джимми открывает бутылку вина для пары, а Фред высунул голову из окна раздачи, чтобы выкрикнуть заказ, которого я не могу расслышать. Я не вижу Нону или Джованни, но знаю, что они где-то там, с сердцами, полными любви, которой они всегда без колебаний делятся. Если я зайду в ресторан со своими плохими новостями, то они, конечно же, окружают меня любовью и поддержкой, но сейчас мне хочется просто побыть одной.

Я отхожу от витрины, прежде чем кто-то успел бы меня заметить, обхожу здание и поднимаюсь по ступенькам мимо своей квартирki на пожарную лестницу, которая ведет на крышу. Это место, куда я прихожу подумать, отсюда видно вершину Башни Койт, ее серо-белая верхушка сквозь туман устремлена вверх, словно часовой; в отдалении виден океан, берега которого покрыты клубами тумана.

Сдерживаемые до этого слезы прорываются, наконец, наружу и текут по щекам. *Мамочка, для меня уже слишком поздно? Мне никогда не удастся этого добиться: ни в качестве художницы, ни в мире искусства вообще?* «Кэррингс» был единственным местом за прошедший год, откуда мне вообще хотя бы перезвонили. Я безуспешно пыталась попасть в каждую галерею и аукционный дом в Районе Залива, и вот, когда я получила этот подарок, эту огромную возможность поработать в самом престижном аукционном доме в регионе – я все испортила.

Может, я просто не подхожу для этого мира. Может, Лидия и Челси были правы, и я недостаточно хороша, у меня нет верного глаза или необходимых личностных качеств. Разве все эти отказы не признак того, что у меня нет хватки, что я не соответствую? Как долго еще я могу пытаться убедить себя, что когда-нибудь мне это удастся, в то время как весь мир продолжает твердить мне сдатьсь?

Я слышу скрежет металла пожарной лестницы о стену здания и знаю, что кто-то идет.

– Отстань, Эдди, – начинаю я, но появляется голова Сент-Клэра.

Я в шоке уставилась на него:

– Что ты тут делаешь?

– Ну, и тебе привет, – говорит он, забираясь по лестнице и присоединяясь ко мне на крыше. Он ухмыляется: – Скучала по мне?

Он наклоняется для поцелуя, но моя голова все еще слишком перегружена, чтобы ответить.

– Внизу мне подсказали, где тебя можно найти. Как же ее звали... Нона, она, казалось, была безумно счастлива меня видеть. Мне еле удалось улизнуть. Она говорила что-то о своих баклажанах по-пармски...

Я улыбаюсь, качая головой. Эта женщина знает все.

– Ей нравится кормить каждого, кто переступает порог.

– Она явно тебя любит, – говорит он с улыбкой. – Все они.

Я киваю, стараясь снова сдержать слезы. Они так меня поддерживали, а теперь я должна им сказать, что облажалась. Улыбка Сент-Клэра исчезает, когда он видит мое лицо. Он нежно стирает мои слезы.

– Грэйс, что случилось?

Я делаю вдох, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо.

– Сегодня я потеряла работу в «Кэррингера».

– Что? – он выглядит удивленным. – Что случилось?

Я рассказываю ему, как Лидия орала на меня и сказала, что я была недостаточно хороша. Он выглядит разъяренным, словно хочет отправиться в аукционный дом и высказать все Лидии.

– Это просто смешно. Я позвоню туда утром, такое поведение с ее стороны недопустимо.

– Нет! – взвизгиваю я. – Ты не можешь. А она может. Она – босс, – я печально вздыхаю. – Спасибо за желание помочь, но с ними покончено.

– Тогда это может быть и к лучшему. Ты найдешь что-то другое, – настаивает Сент-Клэр.

Я качаю головой:

– Что, если я просто недостаточно хороша для работы в мире искусства?

– Это просто смешно, – возражает он. – На прошлой неделе ты определила подделку.

– А твои модные арт-дилеры не поверили мне.

– Ты более чем хороша в этом, Грэйс, – говорит он, беря меня за руку. – Те парни, Лидия – все эти люди, не признающие твоих талантов – они слишком пресыщены имиджем и статусом; они не могут увидеть под всем этим того, что действительно важно.

Он говорит серьезно, я вижу это по его глазам. Интересно, как он может так в меня верить, учитывая, что едва меня знает.

– У тебя удивительно точный глаз, Грэйс, и страсть – что самое важное.

– Комитеты по найму, похоже, с тобой не согласны.

– Ну, этот комитет по найму готов предложить тебе работу.

Я моргаю. О чем это он?

– Какую работу?

– Моего личного арт-консультанта, – улыбается Сент-Клэр.

Я отшатнулась. Он сошел с ума. Позиция арт-консультанта – самая высокоценная работа из всех: консультировать частных клиентов относительно их покупок, помогать создавать коллекции и работать с музеями. За плечами должны быть годы опыта, лучшие коллекции... Я качаю головой:

– Пожалуйста, не шути так.

Сент-Клэр хмурится:

– Я серьезно. Мне нужен кто-то, кто будет мне советовать, а я доверяю твоему суждению относительно искусства больше, чем кому-либо другому. У тебя нет личной заинтересованности, ты не подвержена статусам или веяниям моды. Что скажешь?

Я раскрываю рот, значение его слов наконец доходит до меня.

– Ты серьезно?

– Так же серьезен, как немецкая живопись, – улыбается Сент-Клэр по-мальчишески и обаятельно. – Подумай об этом. Будешь ездить по миру, помогать курировать мою коллекцию и увеличивать мои активы. Париж, Рим, Прага... разве ты сама не говорила, что всегда хотела бы путешествовать?

– Ну, да, – заикаюсь я. – Просто я никогда не думала...

– О чем? Что сможешь иметь все, что хотела? – улыбается Сент-Клэр. – Почему бы и нет?

Почему бы и нет?.. Он не осознает, что мир так не устроен – не для таких людей, как я.

Но разве он не это предлагает? Удивительнейшую возможность, которая лучше, чем любая работа в галерее или стажировка. Это станет реальностью, шансом всей жизни, и мое сердце пускается вскачь уже от одной мысли об этом.

– Я не знаю, что сказать, – ошеломленно шепчу.

– Я еще даже не сказал о твоей зарплате на первое время, – подмигивает Сент-Клэр и называет

шестизначное число, которое в разы больше, чем я в принципе могу себе представить, и в моем распоряжении особенно. – Плюс, конечно же, у тебя будет доступ к счету для деловых расходов и возможность во время поездок пользоваться моим частным реактивным самолетом.

– Ого, – говорю я, слишком ошарашенная, чтобы произнести что-нибудь еще. Я уже собираюсь принять его предложение, когда в голову приходит мысль, что, возможно, так он пытается сделать из меня содержанку, вроде любовницы, которая всюду следует за ним по пятам и послушно ждет в отеле его возвращения с работы.

Я медлю. Неважно, насколько он сексуален и обаятелен, я не буду назначать за себя цену.

– Это слишком? – спрашивает Сент-Клэр нахмурившись.

– Нет, – говорю я. – Просто я... мне интересно про совмещение бизнеса с удовольствием, вот и все. Я имею в виду то, что произошло между нами в Напе... – я чувствую, как краснею. – Потому что если ты предлагаешь мне работу, из-за того что у нас связь, или если ты ожидаешь, что я...

– Грэйс, пожалуйста, – он останавливает меня. – Дело не в нас. Я имею в виду, мне бы очень хотелось продолжать видеться с тобой, – добавляет он, переплетая наши пальцы. – Узнавать тебя, всю тебя... – На мгновение в его взгляде появляется недвусмысленный намек, и я вновь ощущаю знойное возбуждение между нами. – Но я бы хотел, чтобы ты стала моим арт-консультантом, даже если бы у тебя не было заинтересованности в нашей романтической связи. Пожалуйста, поверь. Ты идеально подходишь для этой работы.

– Правда? – груз падает с плеч.

– Правда. Ты знающая и страстная, с удивительно верным глазом и внутренним чутьем, которые нельзя купить, и я хочу, чтобы ты помогла мне сделать мою коллекцию такой, чтобы позавидовал весь мир.

Я смеюсь с облегчением:

– Это будет не сложно. У тебя уже есть несколько гениальных работ.

– Но искусство повсюду, – говорит он, и я перестаю дышать, услышав слова моей мамы из его уст. Это как знак. – И я хочу, чтобы мы вместе его отыскиали.

Мимо нас пролетает стая чаек, направляясь в сторону горизонта, которому, кажется, нет предела, нет конца – когда синева неба сливается с синевой океана в затененной ретуши, в цветовом замысле художника.

Я понимаю, что моменты вроде этого возникают нечасто. Я должна ухватиться за шанс: прыгнуть без оглядки, без колебаний, и посмотреть, куда меня это приведет.

– Тогда... я это сделаю, – говорю ему. – Я возьмусь за эту работу.

Чарльз стискивает мои руки и улыбается мне. Возвращая ему улыбку, я понимаю, что все мои мечты наконец осуществимы.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Вторую книгу серии вы сможете найти в группе https://vk.com/nag_books. Выкладка глав начнется с середины марта.

[←1]

Имеются в виду маски американских индейцев.

[←2]

Пол Джексон Поллок (англ. Paul Jackson Pollock; 28 января 1912 – 11 августа 1956) – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века.

[←3]

Винсент Виллем Ван Гог (нидерл. Vincent Willem van Gogh; 30 марта 1853, Грот-Зюндерт, около Бреды, Нидерланды – 29 июля 1890, Овер-сюр-Уаз, Франция) – нидерландский художник–постимпрессионист.

Микеланджело Буонарроти, полное имя Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони (итал. Michelangelo di Lodovico di Leonardo di Buonarroti Simoni; 6 марта 1475, Капрезе – 18 февраля 1564, Рим) – итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт, мыслитель. Один из крупнейших мастеров эпохи Возрождения и раннего Барокко.

[←5]

Давид – мраморная статуя работы Микеланджело. Это пятиметровое изваяние считается одной из вершин не только искусства Возрождения, но и человеческого гения в целом. В настоящее время оригинал статуи находится в Академии изящных искусств во Флоренции.

[←6]

Кейп-Код (англ. Cape Cod – «мыс трески») – полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс. Отделяет залив Кейп-Код от Атлантического океана. Место туристического и загородного отдыха, покрытое многими милями пляжей, природных красот, исторических достопримечательностей, картинных галерей и множества четырехзвездочных ресторанов.

Хэмптон, также называемый "Ист-энд" Лонг-Айленда, представляют собой группу деревень и хуторов в городах Саутгемптон и Ист-Хэмптон, которые формируют Саут-Форк Лонг-Айленда, штат Нью-Йорк. Хэмптон является популярным морским курортом и здесь находятся одни из самых дорогих и роскошных объектов жилой недвижимости в США.

[←8]

Клуазоне – перегородчатая эмаль.

[←9]

Университет Тафтса (англ. Tufts University) – частный исследовательский университет в США. В 2014 году. Университет Тафтса занял 101 из 150 позиций в Академическом рейтинге университетов мира, а также 25 строчку в рейтинге лучших вузов США по версии Forbs.

[←10]

Марина́ра (итал. *Marinara*, букв. моряцкий соус) – итальянский соус, приготавливающийся из томатов, чеснока, пряных трав (например, базилика) и лука.

[←11]

Также лингвине – длинные макаронные изделия типа спагетти, только плоские.

Паста со свежими овощами или овощным соусом.

[←13]

Итальянский виноградный алкогольный напиток крепостью от 40% до 50%.

Вымышленный персонаж американских телевизионных сериалов «Друзья» и «Джоуи». Его роль в сериалах исполнил американский актёр Мэтт Лебла. Коронная фраза Джоуи Триббиани, с которой он начинал знакомство с очередной девушкой – «Как делишки?»

Канноли (итал. *cannoli* – «маленькая трубочка») – традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную хрустящую трубочку, наполненную начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов (чаще со вкусом ванили или шоколада), вина марсалы или розовой воды.

Кейтеринг (англ. catering от cater – «снабжать едой и услугами») – отрасль общественного питания, связанная с оказанием услуг на удалённых точках, включающая все предприятия и службы, оказывающие подрядные услуги по организации питания сотрудников компаний и частных лиц в помещении и на выездном обслуживании.

[←17]

Прощутто - итальянская ветчина, сделанная из окорока, натертая солью и пряностями, созревающая в течение 8-10 месяцев (здесь и далее прим. переводчика)

Имеется ввиду - **Район Залива Сан-Франциско** - Один из крупнейших мегаполисов США, в который входят города Сан-Франциско, Оклэнд, Сан-Хосе и их пригороды - всего девять крупных округов, сконцентрированных вокруг залива Сан-Франциско

Union Square (Юнион-Сквер) – это площадь в центре Сан-Франциско. То же название носит и окружающий район, который знаменит своими шикарными отелями, театрами, художественными галереями ну, и, конечно же, дорогими магазинами

[←20]

Флюте – высокий тонкий бокал на длинной ножке, применяющийся для шампанского и игристых вин, а также коктейлей с ними.

Антонис ван Дейк (22 марта 1599 — 9 декабря 1641) — южнидерландский (фламандский) живописец и график, мастер придворного портрета и религиозных сюжетов в стиле барокко.

Хаккасан (Hakkasan) – сеть роскошных и дорогих ресторанов китайской кухни

Ньоки – маленькие итальянские клёчки обычно овальной формы, которые делают из манной крупы, картофеля, сыра, творога, шпината, тыквы и даже черствого хлеба или хлебных крошек. Нюокки традиционно подают с томатным соусом, соусом песто, растопленным сливочным маслом, посыпают тертым пармезаном.

Шу май – китайское блюдо, готовят обычно на открытом огне, или на дровяной печи. В зависимости от времени года, шу май может готовиться с разными начинками: баранина, свинина, креветки, китайские черные грибы.

Dim Sum представляет собой небольшие порции десерта, фруктов, овощей, морепродуктов или мяса, завернутых в тонкий слой теста. Дим-сам означает «прикоснуться к самому сердцу»

Франсуа Огюст Рене Роден (фр. François-Auguste-Rene Rodin) (12 ноября 1840 года, Париж, — 17 ноября 1917 года, Мёдон) — французский [скульптор](#), признанный одним из создателей современной скульптуры.

Традиционный американский суп, приготовленный из моллюсков и бульона, с добавлением либо молока (новоанглийский клэм-чаудер), либо помидоров (манхэттенский клэм-чаудер). Обычно к моллюскам добавляют картофель, лук, иногда сельдерей. Другие овощи добавляют редко, хотя порезанная морковь может быть добавлена для цвета. Иногда в суп добавляют петрушку и лавровый лист.

Эдуард (Эдуар) Мане (фр. Édouard Manet; 23 января 1832, Париж –30 апреля 1883, Париж) – французский живописец, гравёр, один из родоначальников импрессионизма.

Поль Сезанн (фр. Paul Cézanne; 1839—1906) – французский художник-живописец, яркий представитель постимпрессионизма.

[←30]

Аналог нашей 3 (удовлетворительно).

Эдуард (Эдуар) Мане (фр. Édouard Manet; 23 января 1832, Париж – 30 апреля 1883, Париж) – французский живописец, гравёр, один из родоначальников импрессионизма.

На французском «Мане» пишется «Manet»

[←34]

То есть с минимальным количеством внутренних перегородок.

Марк Ротко (англ. Mark Rothko, имя при рождении – Маркус Яковлевич Роткович; 25 сентября 1903, Двинск, Витебская губерния, ныне Даугавпилс, Латвия – 25 февраля 1970, Нью-Йорк) – американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.

Джефф Кунс (англ. Jeff Koons, род. 21 января 1955 года, Йорк, Пенсильвания, США) – американский художник. Известен своим пристрастием к китчу, особенно в скульптуре. Его работы входят в число самых дорогих произведений современных художников.

Энди Уорхол (англ. Andy Warhol; настоящее имя – Эндрю Вархола, англ. Andrew Warhola; 6 августа 1928 года, Питтсбург, США – 22 февраля 1987 года, Нью-Йорк, США) – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссёр, заметная персона в истории поп-арт-движения и современного искусства в целом. Основатель идеологии «homo universale», создатель произведений, которые являются синонимом понятия «коммерческий поп-арт».